

Крутосветная
география
русской поэзии

Эльдар Ахадов

**Кругосветная география
русской поэзии**

«Издательские решения»

Ахадов Э.

Кругосветная география русской поэзии / Э. Ахадов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-4483-2539-7

Перед вами книга, в которой, как в волшебном зеркале, отражается самая необычная карта мира — карта впечатлений, оживших в стихах русских поэтов, странствовавших по земному шару в течение последних трёхсот лет. Литературно-художественные достоинства стихотворных произведений известных многим авторов, представленных в данной книге, дополнены информационно-познавательной составляющей: прозаическим повествованием о жизни поэтов вдали от России и их собственными впечатлениями от увиденного вдалеке.

ISBN 978-5-4483-2539-7

© Ахадов Э.

© Издательские решения

Содержание

Раздел I.	10
Европа	13
Австрия	13
Албания	14
Англия	15
Бельгия	18
Болгария	19
Венгрия	20
Германия	22
Голландия	30
Греция	35
Дания	36
Ирландия	38
Испания	39
Италия	43
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Кругосветная география русской поэзии

© Ольга Третьякова, дизайн обложки, 2016

Автор и составитель Эльдар Ахадов

ISBN 978-5-4483-2539-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В книге представлены произведения следующих авторов:

«Мир глазами поэтов» – 85 авторов.

Ахадов Эльдар Алихасович, Ахмадулина Белла Ахатовна, Бальмонт Константин Дмитриевич, Баратынский Евгений Абрамович, Батюшков Константин Николаевич, Бехтеев Сергей Сергеевич, Блок Александр Александрович, Бродский Иосиф Александрович, Брюсов Валерий Яковлевич, Булыгин Павел Петрович, Бунин Иван Алексеевич, Вейдле Владимир Васильевич, Веневитинов Дмитрий Владимирович, Вознесенский Андрей Андреевич, Волошин Максимилиан Александрович, Вяземский Пётр Андреевич, Высоцкий Владимир Семёнович, Гиппиус Зинаида Николаевна, Глинка Фёдор Николаевич, Городецкий Сергей Митрофанович, Городницкий Александр Моисеевич, Гумилёв Николай Степанович, Дельвиг Антон Антонович, Долматовский Евгений Аронович, Евтушенко Евгений Александрович, Есенин Сергей Александрович, Жемчужников Алексей Михайлович, Заболоцкий Николай Алексеевич, Зульфикаров Тимур Касымович, Иванов Всеволод Никанорович, Иванов Вячеслав Иванович, Иванов Георгий Владимирович, Ивнев Рюрик, Казакова Римма Фёдоровна, Кедрин Дмитрий Борисович, Кирсанов Семён Исаакович, Кнорринг Ирина Николаевна, Козлов Иван Иванович, Кузмин Михаил Алексеевич, Кузнецова Галина Николаевна, Кюхельбекер Вильгельм Карлович, Лебедев Вячеслав Михайлович, Лермонтов Михаил Юрьевич, Логинов Василий Степанович, Ляндю Марк Александрович, Майков Аполлон Николаевич, Маковский Сергей Константинович, Мандельштам Осип Эмильевич, Маршак Самуил Яковлевич, Маяковский Владимир Владимирович, Мей Лев Александрович, Мережковский Дмитрий Сергеевич, Мориц Юнна Петровна, Набоков Владимир Владимирович, Одоевцева Ирина Владимировна, Окуджава Булат Шалвович, Павлова Каролина Карловна, Пастернак Борис Леонидович, Перелешин Валерий, Плещеев Алексей Николаевич, Полонский Яков Петрович, Пушкин Александр Сергеевич, Рафальский Сергей Милич, Рейн Евгений Борисович, Самойлов Давид Абрамович, Светлов Михаил Аркадьевич, Сельвинский Илья Львович, Симонов Константин, Синельников Михаил Исаакович, Смилина Анастасия, Соловьёв Владимир Сергеевич, Сурков Алексей Александрович, Тарковский Арсений Александрович, Тихонов Николай Семёнович, Тредиаковский Василий Кириллович, Туроверов Николай Николаевич, Тушнова Вероника Михайловна, Тютчев Фёдор Иванович, Фет Афанасий Афанасьевич, Цветаева Марина Ивановна, Ходасевич Владислав Фелицианович, Чиннов Игорь Владимирович, Ширяев Андрей Владимирович, Эренбург Илья Григорьевич, Языков Николай Михайлович, Яшнов Евгений Евгеньевич.

«Карта впечатлений» – 27 авторов

Константин Дмитриевич Бальмонт, Евгений Абрамович Баратынский, Андрей Белый, Александр Александрович Блок, Иосиф Александрович Бродский, Иван Алексеевич Бунин, Максимилиан Александрович Волошин, Владимир Семёнович Высоцкий, Александр Моисеевич Городницкий, Александр Сергеевич Грибоедов, Николай Степанович Гумилёв, Сергей Александрович Есенин, Вячеслав Иванович Иванов, Михаил Алексеевич Кузмин, Михаил Юрьевич Лермонтов, Осип Эмильевич Мандельштам, Леонид Николаевич Мартынов, Владимир Владимирович Маяковский, Андрей Николаевич Муравьёв, Владимир Иванович Нарбут, Борис Леонидович Пастернак, Александр Сергеевич Пушкин, Николай Константинович

Рёрих, Арсений Александрович Тарковский, Фёдор Иванович Тютчев, Велимир Хлебников, Андрей Владимирович Ширяев.

В конце каждой статьи второго раздела даны ссылки на использованные библиографические источники. Список библиографических источников, использованных в первом разделе:

Стихи. Классическая русская поэзия <http://ru-poetry.ru>
45 параллель <https://45parallel.net>
Хрестоматия русской поэзии <http://www.chrestomatheia.su>
Иван Алексеевич Бунин <http://bunin.niv.ru>
Дора Франко. Поэма Евгения Евтушенко
http://ev-evt.net/poem/dofr/dofr_00.php
Долматовский Е. А. Интерстих. – М.: Мол. Гвардия, 1982

КРУГОСВЕТНАЯ ГЕОГРАФИЯ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Кругосветная география русской поэзии. Кругосветная, многоцветная, яркая, неповторимая. Ибо ни один настоящий поэт не повторяет другого. У каждого – свой взгляд на мир, своя система образов, свое время, и, конечно, свои впечатления. Перед вами книга, в которой, как в волшебном зеркале отражается самая необычная карта мира – карта впечатлений, оживших в стихах русских поэтов, странствовавших по земному шару в течение последних трёхсот лет. От Тредиаковского, родившегося в 1703 году, до ныне здравствующих Рейна и Евтушенко – 300 с лишним лет! А они все – в этой книге. Каждый поэт живёт в своём времени, отдельном от других... и они, эти мироздания поэтов, несопоставимы, ибо не пересекаются, но каждое образует свои вселенные и свои новые миры.

Литературно-художественные достоинства стихотворных произведений известных многим авторов, представленных в данной книге, дополнены информационно-познавательной составляющей: прозаическим повествованием о жизни поэтов вдали от России и их собственными впечатлениями от увиденного и познанного вдалеке.

Труднее всего найти то, чего никогда не терял, не видел и не знаешь, ни как оно выглядит, ни как называется. Можно искать всю жизнь и ничего не найти. Можно искать, не найти, но всю жизнь утверждать, что нашёл. Можно искать, найти, но так и не догадаться об этом. Можно искать, найти, догадаться об этом, но так и не суметь никому этого доказать. Король Британии, увидев у ювелира самый крупный в мире необработанный алмаз, воскликнул: «Если бы я заметил его перед собой где-нибудь на дороге, то никогда в жизни не догадался бы о том, что передо мной сокровище, а не большой осколок стекла: наступил бы на него или пнул бы его ногой, а скорее всего – просто прошёл бы мимо».

Колумб всю жизнь искал путь в Индию и умер, так и не догадавшись, что открыл Америку. Поэтому её называли именем другого человека, который ничего не открыл, но обо всём догадался. Потому не стоит думать, что первооткрыватели почивают на лаврах. Гораздо чаще им вообще никто не сообщает о том, что они – что-то открыли. Потому – владение информацией о предмете почти всегда важнее самого предмета. И кто владеет информацией – владеет миром. А кто ею не владеет... не владеет ничем. Не прав тот, кто считает, что все уже пройдено, увидено, сосчитано и взвешено. Ничего подобного! Не прав потому, что у каждого человека свои глаза, и каждый в этом мире видит свое, то, что никому другому не дано увидеть. А поэты – всегда видят нечто своё, неповторимое, даже в том, что тысячи раз видено-перевидено миллионами людей.

Стихи поэтов – это информация. Стихи повествуют о дальних странах и незнакомых землях, о великих морях и удивительных людях, о том, что поэты когда-либо видели, слышали и наблюдали. Поэты странствуют по миру, блуждая во временах и пространствах, открывая

то, что могут узреть только дети, ангелы и люди с душами детей или ангелов. Поэзия – это та информация, окутывающая весь мир, без которой невозможно по-настоящему стать человеком.

Идея создания этой книги возникла как бы сама собой. Вернее, её подсказали мне звенящие строки поэтов. Мир, увиденный их глазами, предчувствованный их чувствами и подаренный нам, благодарным читателям и потомкам. На Востоке издревле поэты были приравнены к дервишам, странникам и пилигримам. К ним и к их словам, относились с огромным уважением и почитанием. И не важно, во что они были одеты – в золотую парчу и шёлк или в нищенское тряпье, не важно. Главное – кто они сами...

Поэты открыли нам, читателям, множество стран, практически весь географический мир, одарив нас потрясающими стихами, пронизанными любовью ко всему сущему, к самой жизни, которые представлены мной в этой книге. И не только стихами, но и прекрасной прозой. Это те сокровища, которые суждено нам хранить вечно. В книге собраны впечатления поэтов, оказавшихся в той или иной стране либо по своей доброй воле, либо по долгу службы, но никак не насильственным образом, не в заключении и не в ссылке. Даже Баратынский, служивший в Финляндии унтер-офицером, не был заключенным, он там – служил, и офицеры вовсе не чурались общения с талантливым сослуживцем.

Многие поэты бывали в первую очередь в Европе. Это понятно. Но для кого-то страна его пребывания являлась вовсе не одним лишь местом удовлетворения праздного туристического любопытства, а в некотором смысле – судьбой. Вот этим соображением и обосновывается мой выбор поэта и описываемой им страны, который сделан в этой книге. Многие поэты путешествовали по тем местам, которые мы привыкли считать либо частью России, либо частью бывшего СССР или Российской империи. Но и здесь есть причина для выбора – стихи поэтов, посвященные исследованию жизни того или иного края земли, не созерцательное равнодушие, а интерес и любовь к тайнам земли и истории народов, её населяющих, вне зависимости от государственных границ, придуманных человеком, но никогда и нигде не создаваемых природой.

Поэты – странники, скитальцы, пилигримы, дервиши земных дорог. Творческий труд их сродни труду землепроходцев и первооткрывателей. Они видят то, что сокрыто от многих глаз...

Эта книга отчасти написана не мной, а теми поэтами, которые видели то, о чём они рассказывают и знают цену этому своему видению. С радостью и трепетом предоставляю им слово. Тютчеву, написавшему «Люблю грозу в начале мая...» вовсе не в России, а в Германии. Бродскому, написавшему «... на Васильевский остров я приду умирать» не в уютном домашнем Питере, а в геологической экспедиции на Крайнем Севере. Арсению Тарковскому – самому почитаемому русскому поэту Туркмении и Каракалпакии. Бальмонту, не рафинированному и куртуазному дамскому угоднику, а настоящему Бальмонту – плывущему по просторам Тихого океана на встречу с Австралией и островами Океании. Лермонтову, по которому в бою мюриды имама приказывали не стрелять, ибо дервишей и ашуггов (поэтов) убивать нельзя («Харам!»)...

«Вот и Арпачай», – сказал мне казак. Арпачай! Наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакал к реке с чувством неизъяснимым. Никогда еще не видал я чужой земли. Граница имела для меня что-то таинственное; с детских лет путешествия были моею любимой мечтою. Долго вел я потом жизнь кочующую, скитаясь то по югу, то по северу, и никогда еще не вырывался из пределов необъятной России. Я весело въехал в заветную реку, и добрый конь вынес меня на турецкий берег».

(Александр Пушкин)

«Путешествие в Арзрум»

«Старый бродяга в Аддис-Абебе,
Покоривший многие племена,
Прислал ко мне черного копьемосца
С приветом, составленным из моих стихов.
Лейтенант, водивший канонерки
Под огнем неприятельских батарей,
Целую ночь над южным морем
Читал мне на память мои стихи.
Человек, среди толпы народа
Застреливший императорского посла,
Подожел пожать мне руку,
Поблагодарить за мои стихи.

Много их, сильных, злых и веселых,
Убивавших слонов и людей,
Умиравших от жажды в пустыне,
Замерзавших на кромке вечного льда,
Верных нашей планете,
Сильной, весёлой и злой,
Возят мои книги в седельной сумке,
Читают их в пальмовой роще,
Забывают на тонущем корабле.

Я не оскорбляю их неврастением,
Не унижаю душевной теплотой,
Не надоедаю многозначительными намеками
На содержимое выеденного яйца,
Но когда вокруг свищут пули
Когда волны ломают борта,
Я учу их, как не бояться,
Не бояться и делать что надо.

И когда женщина с прекрасным лицом,
Единственно дорогим во вселенной,
Скажет: я не люблю вас,
Я учу их, как улыбнуться,
И уйти и не возвращаться больше.
А когда придет их последний час,
Ровный, красный туман застелит взоры,
Я научу их сразу припомнить
Всю жестокою, милую жизнь,
Всю родную, странную землю,
И, представ перед ликом Бога
С простыми и мудрыми словами,
Ждать спокойно Его суда».

(Николай Гумилёв «Мои читатели»)

«Мои читатели» – последнее стихотворение, написанное великим русским поэтом, выдающимся путешественником и исследователем Африки – Николаем Степановичем Гумилевым в июле 1921 года, незадолго до его казни.

Эльдар Ахатов

Раздел I.

Мир глазами поэтов

Вступление

Мой родной, мой земной, мой кружащийся шар!
Солнце в жарких руках, наклонясь, как гончар,
вертит влажную глину, с любовью лепя,
округляя, лаская, рождая тебя.
Керамической печью космических бурь
обжигает бока и наводит глазурь,
наливает в тебя голубые моря,
и где надо, – закат, и где надо, – заря,
И когда ты отделан и весь обожжен,
солнце чудо свое обмывает дождем
и отходит за воздух и за облака
посмотреть на творение издалека.
Ни отнять, ни прибавить – такая краса!
До чего ж этот шар гончару удался!
Он, руками лучей сквозь туманы светя,
дарит нам свое чудо: – Бери, мол, дитя!
Дорожи, не разбей: на гончарном кругу
я удачи такой повторить не смогу!

Кирсанов Семён Исаакович («Чудо»)

Где черный ветер, как налетчик,
Поет на языке блатном,
Проходит путевой обходчик,
Во всей степи один с огнем.
Над полосой отчужденья
Фонарь качается в руке,
Как два крыла из сновиденья
В середине ночи на реке.
И в желтом колыбельном свете
У мирозданья на краю
Я по единственной примете
Родную землю узнаю.
Есть в рельсах железнодорожных
Пророческий и смутный зов
Благословенных, невозможных,
Не спящих ночью городов.
И осторожно, как художник,
Следит приезжий за огнем,
Покуда железнодорожник
Не пропадет в краю степном.

Тарковский Арсений Александрович («В дороге»)

Как часто, как часто я в поезде скором
сидел и дивился плывущим просторам
и льнул ко стеклу холодеющим лбом!..
И мимо широких рокочущих окон
свивался и таял за локоном локон
летучего дыма, и столб за столбом
проскакивал мимо, порыв прерывая
взмывающих нитей, и даль полевая
блаженно вращалась в бреду голубом.
И часто я видел такие закаты,
что поезд, казалось, взбегает на скаты
крутых огневых облаков и по ним
спускается плавно, взвивается снова
в багряный огонь из огня золотого, —
и с поездом вместе по кручам цветным
столбы пролетают в восторге заката,
и черные струны взмывают крылато,
и ангелом реет сиреневый дым.

* * *

На сумрачном вокзале по ночам
торжественно и пусто, как в соборе, —
но вот вдали вздохнуло словно море,
скользнула дрожь по двум стальным лучам,
бегущим вдаль, сходящимся во мраке, —
и щелкнули светящиеся знаки,
и в черной глубине рубин мигнул,
за ним – полоска янтарей, и гул
влетел в вокзал, могучий гул чугунный, —
из бездны бездн, из сердца ночи лунной,
как бы катясь с уступа на уступ.
Вздохнул и стал: раскрылись две-три двери.
Вагоны удлиненные под дуб
окрашены. На матовой фанере
над окнами ряд смугло-золотых
французских слов, – как вырезанный стих,
мою тоску дразнящий тайным зовом...
За тенью тень скользит по бирюзовым
прозрачным занавескам. Плотно скрыв
переходные шаткие площадки,
чернеют пыльно кожаные складки
над скрепами вагонов. Весь – порыв
сосредоточенный, весь – напряжение
блаженное, весь – жадность, весь – движение, —
дрожит живой, огромный паровоз,
и жарко пар в железных жилах бьется,
и в черноту по капле масло льется

с чудовищных лоснящихся колес.
И через миг колеса раскачнулись
и буферов забухали щиты —
и пламенисто-плавно потянулись
в зияющий колодезь темноты
вагоны удлиненные... И вскоре,
забыл вокзал их звон и волшебство,
и стало вновь под сводами его
торжественно и пусто, как в соборе.

Набоков Владимир Владимирович («Экспресс»)

Европа

Австрия

Тарковский Арсений Александрович

УТРО В ВЕНЕ

Где ветер бросает ножи
В стекло министерств и музеев,
С насмешливым свистом стрижи
Стригут комаров-ротозеев.
Оттуда на город забот,
Работ и вечерней зевоты,
На роботов Моцарт ведет
Свои насекомые ноты.
Живи, дорогая свирель!
Под праздник мы пол натирали,
И в окна посыпался хмель —
На каждого по сто спиралей.
И если уж смысла искать
В таком суматошном концерте,
То молодость, правду сказать,
Под старость опаснее смерти.

СНЕЖНАЯ НОЧЬ В ВЕНЕ

Ты безумна, Изора, безумна и зла,
Ты кому подарила свой перстень с отравой
И за дверью трактирной тихонько ждала:
Моцарт, пей, не тужи, смерть в союзе со славой.
Ах, Изора, глаза у тебя хороши
И черней твоей черной и горькой души.
Смерть позорна, как страсть. Подожди, уже скоро,
Ничего, он сейчас задохнется, Изора.
Так лети же, снегов не касаясь стопой:
Есть кому еще уши залить глухотой
И глаза слепотой, есть еще голодуха,
Госпитальный фонарь и сиделка-старуха.

Языков Николай Михайлович

ЭЛЕГИЯ

Опять угрюмая, осенняя погода,
Опять расплакалась гаштейнская природа,
И плачет, бедная, она и ночь и день,
На горы налегла ненастной тучи тень,
И нет исходу ей! Душа во мне уныла:

Перед моим окном, бывало, проходила
Одна прекрасная, отколь и как сюда
Она явилась, не ведаю, – звезда
С лазурно-светлыми, веселыми глазами,
С улыбкой сладостной, с лилейными плечами.
Но и ее уж нет! О! я бы рад отсель
Лететь, бежать, идти за тридевять земель,
И хлад, и зной, и дождь, и бурю побеждая,
Туда, скорей туда, где, прелесть молодая,
Она господствует и всякий день видна:
Я думаю, что там всегдашняя весна!

Албания

Туроверов Николай Николаевич

АЛБАНСКИЕ СТИХИ

1.

Глубокий снег лежал в горах.
Был лунный свет мутнее дыма.
Попутчик мой сказал: Аллах
Хранит в дороге пилигрима,
Кто он, откуда? Для меня
Не всё равно-ль? На горном склоне
Он своего поил коня
И вместе пили наши кони.
Теперь нас ждет в горах ночлег.
И знаю я, дрожа от стужи,
Он для меня расчистит снег,
Простелет рваный плащ верблюжий
И, вынув свой кремь и трут,
Зажжет подобранные сучья.
Счастлив Аллах, царящий тут —
Слуги ему не надо лучше.

1923

2.

Я скрылся от дождя, от ночи и от бури
В пастушьем шалаше. Пастух был нелюдим;
Но он мне место дал у очага на шкуре
И круглый хлеб, надъеденный самим.
В горах случайны и безмолвны встречи.
Что он мне мог сказать, что мог ответить я,
Когда нас крепче слов сближает мех овечий
И скудное тепло дымящего огня.

1923

3.

Что мне столетия глухие,
Сюда пришедшему на час?
О баснословной Византии
Руин лирический рассказ.
Мне всё равно какая смена
Эпох оставила свой прах
Средь этих стен и запах тлена
В полуразрушенных церквах.
Запомню только скрип уключин,
Баркас с библейскою кормой,
Да гор шафрановые кручи
Над синей охридской водой.

1930

4.

Знаю, я тебе не пара, —
Твой отец богатый бей;
От Валоны до Скадара
Равных нет ему людей.
У бродяги – иноверца
Нет на свете ничего,
Только сердце, только сердце
Однолетки твоего.
Завтра я уеду рано.
Не проснется твой отец.
Ты услышишь каравана
Невеселый бубенец.

1938

Англия

Рейн Евгений Борисович

В НОВУЮ АНГЛИЮ

На первом этаже выходят окна в сад,
Который низкоросл и странно волосат
От паутины и нестриженных ветвей.
Напротив особняк, в особняке детсад,
Привозят в семь утра измученных детей.
Пойми меня хоть ты, мой лучший адресат!
Так много лет прошло, что наша связь скорей
Психоанализ, чем почтовый разговор.

Привозят в семь утра измученных детей,
А в девять двадцать пять я выхожу во двор.
Я точен, как радар, я верю в ритуал —
Порядок – это жизнь, он времени сродни.
По этому всему пространство есть провал,
И ты меня с лучом сверхсветовым сравни!
А я тебя сравню с приветом и письмом,
И с трескотней в ночном эфире и звонком,
С конвертом, что пригрет за пазухой тайком
И склеен второпях слезой и языком.
Зачем спешил почтарь? Уже ни ты, ни я
Не сможем доказать вины и правоты,
Не сможем отменить обиды и нытья,
И всё-таки любви, которой я и ты
Грозили столько раз за письменным столом.
Мой лучший адресат, напитки и плоды
Напоминают нам, что мы ещё живём.
Семья не только кровь, земля не только шлак
И слово не совсем опустошённый звук!
Когда-нибудь нас всех накроет общий флаг,
Когда-нибудь нас всех припомнит общий друг!
Пока ты, как Улисс, глядишь из-за кулис
На сцену, где молчит худой троянский мир,
И вовсе не Гомер, а пылкий стрекулист
Напишет о тебе, поскольку нем Кумир.

Сурков Алексей Александрович

ВОСКРЕСЕНЬЕ В ВЕСТ-ЭНДЕ

Вопреки непреложным законам истории,
Исполняя давно устаревшую роль,
Как в далеком «блистательном» веке Виктории,
На охоту и в оперу ездит король.
По старинным аллеям, под липами зябкими,
Каждый день, и неделю, и месяц, и год,
Поражая зевак непомерными шапками,
К Букингему гвардейцы идут на развод.
Где каштаны столетние ветками тонкими
Отражаются в зеркале синих прудов,
Перезрелые леди гуляют с болонками,
Оскорбляя пейзаж Кенсингтонских садов.
И, усиленно борясь с невеселыми думами,
По традициям канувших в прошлое дней,
Амазонки и денди с учтивыми грумами
Объезжают в Гайд-парке красивых коней.
Будто рента старинных родов не размотана,
Не построена клетка британскому льву,
Будто «старая добрая Англия» – вот она —
Не в гравюрах, не в книгах – жива наяву!

Сбросьте пыльный парик обветшалою романтики!
Наготу не прикроете ширмой старья.
Из-за хмурых просторов туманной Атлантики
Продиктован вам новый закон бытия.
Раздавил ваши души пресс девальвации,
Планом Маршалла выжжена начисто спесь,
Новый босс отнимает сокровища нации —
Независимость, гордость, достоинство, честь.
Все равно вы утонете в черном неверии.
Декорации прочь! Не поможет игра.
Побрякушки, архивная пыль, мишура —
Вот и все, что осталось от вашей империи.

Светлов Михаил Аркадьевич

ПЕСЕНКА АНГЛИЙСКОГО МАТРОСА

Плыву, плыву в тумане,
Плыву в кругу ночей.
Британия, Британия,
Владычица морей.

Вокруг земного шара
Британская вода,
Стоят у Гибралтара
Английские суда.
Неисчислимы рейсы,
Широкий путь открыт, —
У берега твой крейсер
На Индию глядит,
Ты в Африке оставила
Следы от якорей,
Британия, Британия,
Владычица морей!

Но берегись, Британия!
В морях плывет беда,
Волнуется у берега
Китайская вода.
И что ты будешь делать,
Отечество мое?
Ведь пароход на суше
Не годен под жилье!
Закрой глаза от света
Китайских фонарей,
Британия, Британия,
Владычица морей!

Где плыл корсар на шхуне
Плыву в кругу ночей.

Погасло полполунье
Над родиной моей.
Мамаша! Дело скверно,
Твоя вода бурлит,
Закрытая таверна
На берегу грустит.
Ты опускаешь цепи
Последних якорей,
Британия, Британия,
Владычица морей!

Давай-ка побеседуем:
В какие дни, когда
Поила нас как следует
Британская вода?
Привязанные к мачтам,
Мы плыли по морям,
Нас Англия, как мачеха,
Кидала по волнам.
Так сохни же под солнцем,
Под блеском лучей,
Последняя лужа
Британских морей!

Бельгия

Эренбург Илья Григорьевич

В БРЮГГЕ

1.
В этих темных узеньких каналах
С крупными кругами на воде,
В одиноких и пустынных залах,
Где так тихо-тихо, как нигде,
В зелени, измученной и блеклой,
На пустых дворах монастырей,
В том, как вечером слезятся стекла
Кованых чугунных фонарей,
Скрыто то, о чем средь жизни прочей
Удастся иногда забыть,
Что приходит средь бессонной ночи
Темными догадками томить.

2.
Ночью в Брюгге тихо, как в пустом музее,
Редкие шаги звучат еще сильнее,
И тогда святы в каждой черной книге,

Черепичные закопченные крыши
И каналы с запахом воды и гнили,
С черными листьями задремавших лилий,
Отраженья тусклых фонарей в канале
И мои надежды, и мои печали,
И любовь, которая, вонзивши жало,
Как оса приникла и потом упала.
Все мне кажется тогда музеем чинным,
Одиноким, важным и таким старинным,
Где под стеклами лежат камеи и эмали,
И мои надежды, и мои печали,
И любовь, которая, вонзивши жало,
Как оса приникла и упала.
3.
Мельниц скорбные заломленные руки
И каналы, уплывающие вдаль,
И во всем ни радости, ни муки,
А какая-то неясная печаль.
Дождик набежал и брызжет теплый, летний,
По каналу частые круги пошли,
И еще туманней, и еще бесцветней
Измельченные квадратики земли.
У старушки в белом головном уборе
Неподвижный и почти стеклянный взгляд,
Если в нем когда-то отражалось горе,
То оно забылось много лет назад.
В сердце места нет ни злу, ни укоризне,
И легко былые годы вспоминать,
Если к горечи, к тревоге, даже к жизни
Начинаешь понемногу привыкать.

Болгария

Городницкий Александр Моисеевич

БОЛГАРИЯ
В сиянии летнего жара
Расходится круг по воде.
Болгары поют Окуджаву,
Надеясь на завтрашний день.
Наивная эта надежда
Ночами уснуть не дает.
Всё хуже еда и одежда
Становятся здесь, – что ни год.
Грызут апатиты и атом
Природою созданный рай, —
Вдогонку за северным братом

Шагает доверчивый край.
Здесь общую ценят культуру,
И славят общественный труд,
И гонят этнических турок,
И русские песни поют.
Какую погоду на завтра
Готовим мы в этой стране?
Раздумье об этом внезапно
Сегодня приходит ко мне
На площади старой соборной,
Где тёмной вечерней порой,
Еще не разорванный бомбой,
Стоит Александр Второй.

ВАРНА

Особняки довоенных городов
В городе Варна у Чёрного моря,
Слово родное в чужом разговоре,
Зыбкие тени плывущих судов.
Чайки над городом крик сиротлив,
Будто птенца уронила – не рыбу,
Римских построек осевшие глыбы,
Греки и турки – прилив и отлив.
Этот зелёный окраинный Понт,
Прежде Восток разделявший и Запад,
Мидий гниющих томительный запах,
Улочки, с горки бегущие в порт!
Туч паруса в небесах шевеля,
В круговороте имперских обломков,
Непотопляемой кружится лодкой
Многострадальная эта земля.
Между просторов её небольших,
Где появились Кирилл и Мефодий,
Радуюсь я вековечной методе
Местных крестьян и спокойствию их.
Здесь, в непривычной для нас тишине,
Здесь, где когда-то сошлась «Вся благая»,
На сердце тёплой волной набегая,
Странные чувства приходят ко мне, —
Чувство печали и смутной вины,
Зависти к скромному их достоянью.
Эту печаль оценить в состоянии
Лишь уроженец великой страны.

Венгрия

Самойлов Давид Абрамович

СИГЛИГЕТ

В той Венгрии, куда мое везенье
Меня так осторожно привело,
Чтоб я забыл на время угрызенья
И мною совершаемое зло,
В том Сиглигете возле Балатона,
В том парке, огороженном стеной,
Где горлинки воркуют монотонно, —
Мое смятение спорит с тишиной.
Мне кажется, что вы – оживший образ
Той тишины, что вы ее родня.
Не потому ли каждая подробность,
Любое слово мучают меня.
И даже, может быть, разноязычье
Не угнетает в этой тишине,
Ведь не людская речь, а пенье птичье
Нужней сегодня было вам и мне.

Городницкий Александр Моисеевич

БУДАПЕШТ-56

Танк горит на перекрёстке улиц,
Расстреляв последние снаряды,
В дымном жаре, в орудийном гуле,
У разбитой им же баррикады.
На его броне дымится краска
Не от немцем сброшенной фугаски,
Не на волжском вздыбленном песке, —
Труп студента, детская коляска,
И обрывок флага на штыке.
Где и как, когда случилось это
В самый первый распроклятый раз?
Над казармой прежние портреты,
И приказ – по-прежнему приказ.
Разгребая жар чужой руками,
Принеся восстанию беду,
Парни с комсомольскими значками
Умирают в огненном чаду.
Их могилу не укроют лавры,
Лишь листок уронит на пол мать, —
Извещение, что «смертью храбрых»,
«Смертью храбрых», – что ещё ей знать?
Как там встретят весть, что не вернулись, —
Закусив губу или навзрыд?
Танк горит на перекрёстке улиц, —
Хорошо, что этот танк горит!

Германия

Тютчев Фёдор Иванович

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.

С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной и шум нагорный —
Все вторит весело громам.

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

* * *

Зима не даром злится,
Прошла её пора —
Весна в окно стучится
И гонит со двора.
И всё засуетилось,
Всё нудит Зиму вон —
И жаворонки в небе
Уж подняли трезвон.
Зима еще хлопочет
И на Весну ворчит.
Та ей в глаза хохочет
И пуще лишь шумит...
Взбесилась ведьма злая
И, снегу захватя,
Пустила, убегая,
В прекрасное дитя...
Весне и горя мало:
Умылася в снегу
И лишь румяней стала
Наперекор врагу.

1836

Набоков Владимир Владимирович

БЕРЛИНСКАЯ ВЕСНА
Нищетою необычной
на чужбине дорожу.
Утром в ратуше кирпичной
за конторкой не сижу.
Где я только не шатаюсь
в пустоте весенних дней!
И к подруге возвращаюсь
все позднее и поздней.
В полумраке стул задену
и, нащупывая свет,
так растопаюсь, что в стену
стукнет яростно сосед.
Утром он наполовину
открывать окно привык,
чтобы высунуть перину,
как малиновый язык.
Утром музыкант бродячий
двор наполнит до краев
при участии горячей
суматохи воробьев.
Понимают, слава Богу,
что всему я предпочту
дикую мою дорогу,
золотую нищету.

Цветаева Марина Ивановна

БЕРЛИНУ
Дождь убаюкивает боль.
Под ливни опускающихся ставень
Сплю. Вздрагивающих асфальтов вдоль
Копыта – как рукоплесканья.
Поздравствовалося – и слилось.
В оставленности златозарной
Над сказочнейшим из сиротств
Вы смилостивились, казармы!

Ходасевич Владислав Фелицианович

БЕРЛИНСКОЕ
Что ж? От озноба и простуды —
Горячий грог или коньяк.
Здесь музыка, и звон посуды,

И лиловатый полумрак.

А там, за толстым и огромным
Отполированным стеклом,
Как бы в аквариуме темном,
В аквариуме голубом —

Многоочитые трамваи
Плывут между подводных лип,
Как электрические стаи
Светящихся ленивых рыб.

И там, скользя в ночную гнилость,
На толще чуждого стекла
В вагонных окнах отразилась
Поверхность моего стола, —

И, проникая в жизнь чужую,
Вдруг с отвращеньем узнаю
Отрубленную, неживую,
Ночную голову мою.

Пастернак Борис Леонидович

МАРБУРГ

Я вздрагивал. Я загорался и гас.
Я трясся. Я сделал сейчас предложение, —
Но поздно, я сдрейфил, и вот мне – отказ.
Как жаль ее слез! Я святого блаженной.
Я вышел на площадь. Я мог быть сочтен
Вторично родившимся. Каждая малость
Жила и, не ставя меня ни во что,
В прощальном значеньи своем подымалась.
Плитняк раскалялся, и улицы лоб
Был смугл, и на небо глядел исподлобья
Булыжник, и ветер, как лодочник, греб
По лицам. И все это были подобию.
Но, как бы то ни было, я избегал
Их взглядов. Я не замечал их приветствий.
Я знать ничего не хотел из богатств.
Я вон вырывался, чтоб не разреветься.
Инстинкт прирожденный, старик-подхалим,
Был невыносим мне. Он крался бок о бок
И думал: «Ребячья зазноба. За ним,
К несчастью, придется присматривать в оба».
«Шагни, и еще раз», – твердил мне инстинкт,
И вел меня мудро, как старый схоластик,
Чрез девственный, непроходимый тростник
Нагретых деревьев, сирени и страсти.

«Научишься шагом, а после хоть в бег», —
Твердил он, и новое солнце с зенита
Смотрело, как сызнава учат ходьбе
Туземца планеты на новой планиде.
Одних это все ослепляло. Другим —
Той тьмою казалось, что глаз хоть выколи.
Копались цыплята в кустах георгин,
Сверчки и стрекозы, как часики, тикали.
Плыла черепица, и полдень смотрел,
Не смаргивая, на кровли. А в Марбурге
Кто, громко свища, мастерил самострел,
Кто молча готовился к Троицкой ярмарке.
Желтел, облака пожирая, песок.
Предгрозые играло бровями кустарника.
И небо спекалось, упав на кусок
Кровоостанавливающей арники.
В тот день всю тебя, от гребенок до ног,
Как трагик в провинции драму Шекспирову,
Носил я с собою и знал назубок,
Шатался по городу и репетировал.
Когда я упал пред тобой, охватив
Туман этот, лед этот, эту поверхность
(Как ты хороша!) — этот вихрь духоты —
О чем ты? Опомнись! Пропало. Отвергнут.

Тут жил Мартин Лютер. Там — братья Гримм.
Когтистые крыши. Деревья. Надгробья.
И все это помнит и тянется к ним.
Все — живо. И все это тоже — подобья.
О, нити любви! Улови, перейми.
Но как ты громаден, обезьяний,
Когда над надмирными жизни дверьми,
Как равный, читаешь свое описание!
Когда-то под рыцарским этим гнездом
Чума полыхала. А нынешний жупел —
Насупленный лязг и полет поездов
Из жарко, как ульи, курящихся дупел.
Нет, я не пойду туда завтра. Отказ —
Полнее прощанья. Все ясно. Мы квиты.
Да и оторвусь ли от газа, от касс, —
Что будет со мною, старинные плиты?
Повсюду портпледы разложит туман,
И в обе оконницы вставят по месяцу.
Тоска пассажиркой скользнет по томам
И с книжкой на оттоманке поместится.
Чего же я трушу? Ведь я, как грамматику,
Бессонницу знаю. Стрясется — спасут.
Рассудок? Но он — как луна для лунатика.
Мы в дружбе, но я не его сосуд.

Ведь ночи играть садятся в шахматы
Со мной на лунном паркетном полу,
Акацией пахнет, и окна распахнуты,
И страсть, как свидетель, сидит в углу.
И тополь – король. Я играю с бессонницей.
И ферзь – соловей. Я тянусь к соловью.
И ночь побеждает, фигуры сторонятся,
Я белое утро в лицо узнаю.

Глинка Фёдор Николаевич

РЕЙН И МОСКВА

(отрывок)

Я унесен прекрасною мечтой,
И в воздухе душисто-тиховеяном,
В стране, где грозд янтарно-золотой,
Я узнаю себя над Рейном.
В его стекле так тихи небеса!
Его берега – расписанные рамки.
Бегут по нем рядами паруса,
Глядят в него береговые замки,
И эхо гор разносит голоса!
Старинные мне слышатся напевы,
У пристаней кипит народ,
По виноградникам порхает хоровод,
И слышу я, поют про старый Рейн девы.

«Наш Рейн, наш Рейн красив и богат!
Над Рейном блестят города!
И с башнями замки, и много палат,
И сладкая в Рейне вода!..»

И пурпуром блещут на Рейне берега:
То наш дорогой виноград,
И шелком одеты при Рейне луга:
Наш реинский берег – Германии сад!
И славится дева на Рейне красой,
И юноша смотрит бодрей!
О, мчись же, наш Рейн, серебрясь полосой,
До синих, до синих морей!..»

Одоевцева Ирина Владимировна

Угли краснели в камине,
В комнате стало темно...
Всё это было в Берлине,
Всё это было давно.

И никогда я не знала,
Что у него за дела,
Сам он расспрашивал мало,
Спрашивать я не могла.

Вечно любовь и тревога...
Страшно мне? Нет, ничего,
Ночью просила я Бога,
Чтоб не убили его.

И уезжая кататься
В автомобиле, одна,
Я не могла улыбаться
Встречным друзьям из окна.

Городницкий Александр Моисеевич

В Баварии летней, близ города славного Мюнх,
Мы в доме немецком гостили в начале июня.
Там сад колыхался в оконном, до пола, стекле,
Дразня сочетанием красок, пронзительно светлых,
И фогельхен утром кричали приветливо с веток:
«Вставайте, бездельники, – завтрак уже на столе».

Плыл благовест тихий от мачты недалекого шпица.
Алела нарядно на крышах крутых черепица,
Над сбитыми сливками белых по-южному стен.
Хозяин в войну был десантником, но, слава Богу,
Под Лугой сломал при ночном приземлении ногу,
А после во Франции сдался союзникам в плен.

Он строил потом водосбросы, туннели, плотины, —
Его окружают знакомые с детства картины
У жизни в конце, понемногу сходящей на нет.
Австрийские Альпы парят вдалеке невесомо,
По радио внук исполняет концерт Мендельсона,
Упругими пальцами нежно сжимая кларнет.

И хмель обретает брожение солнца на склонах
Над быстрым Изаром, у вод его светло-зелёных,
Вокруг навевая счастливый и медленный сон.
И можно ли думать о грянувшей здесь катастрофе
Под дивные запахи этого свежего кофе
И тихую музыку? Слава тебе, Мендельсон!

ГЕРМАНИЯ

Этот вид из вагонных открывшийся окон,
Этой зелени пышной насыщенный цвет!
Что Германия больше понравилась Блоку

Чем Италия, в том непонятного нет.
Школьных лет предваряя былые вопросы,
Заготовил ответы любой поворот.
Здесь когда-то поход начинал Барбаросса,
Карл Великий на Майне отыскивал брод.
Меж руинами замков, у ног Лорелеи,
Безмятежного Рейна струится вода.
Почему её так обожали евреи
И себе на беду приезжали сюда?
Вслед за этим в золу обратившимся хором
Восславляю и я то пространство, в котором
То гравюра мелькает, то яркий лубок,
Где над кёльнским растаявшим в небе собором
Обитает в тумане невидимый Бог.
Меж Висбаденом, Марбургом и Гейдельбергом,
Всем блокадным сомненьям моим вопреки,
Возникают великие тени и меркнут
Под навязчивый шёпот знакомой строки.
Триста лет состояли мы в брачном союзе,
То враждуя, то снова друг друга любя.
Не напрасно немецкой медлительной музе
Ломоносов и Тютчев вверяли себя,
Белокурых невест подводя к аналою,
И в итоге недавней войны Мировой
Стали русские парни немецкой землёю,
А солдаты немецкие – русской землёй.
Неслучайно во времени нашем капризном
Начинается новых братаний пора,
И марксизм-сталинизм обнялись с гитлеризмом,
Воплощая в веках завещанье Петра.
Никогда не изжить этот горестный опыт,
Императоров наших остзейскую кровь,
То окно, что когда-то пробито в Европу,
Неизбывную эту любовь.

БРОНЗОВЫЙ ГЕЙНЕ

Бронзовый Гейне на ратушной площади Гамбурга,
Сумрачный гений германский, похожий на Гамлета,
Стынувший молча у края холодных морей.
Видят туристы глазами, до слёз умилёнными,
Что не сгорел с остальными шестью миллионами
Этот случайно избегнувший казни еврей.

Бронзовый Гейне над облаком гари ли, смога ли,
Напоминающий обликом скорбного Гоголя
В скверике пыльном напротив Арбатских ворот.
Благоговейно субботами и воскресеньями
Бюргеры здесь собираются целыми семьями, —
Непредсказуем грядущего дня поворот.

Бронзовый Гейне, из ямы с отбросами вынутый,
Сброшенный раз с пьедестала и снова воздвигнутый,
Пахнувший дымом своих уничтоженных книг,
Пусть отличаются наши родные наречия,
Радуюсь этой, такой неожиданной встрече я,
Единокровный поклонник твой и ученик.

Бронзовый Гейне на площади шумного Гамбурга.
Рюмка рейнвейна над узкой портовой дамбой,
Голод блокады, ушедших друзей имена,
Контур Европы над жёлтой школьной указкой,
Чёрный сугроб под пробитой немецкою каскою,
«Traurigen Monat November», родная страна.

Бронзовый Гейне, грустящий на площади Гамбурга, —
Томик стихов в переводах, мне помнится, Вайнберга,
Послевоенный лежащий в руинах Большой.
Малая Невка, лесистый ли Гарц, Лорелея ли, —
Что за мечты мы в мальчишеском сердце лелеяли,
К странам чужим прирастая незрелой душой?

Бронзовый Гейне, что зябко под ветром сутулится,
Не переменишь рождением данную улицу,
Город и век, ни в Германии, ни на Руси.
Так повелось со времён Перуна или Одина.
Что же подделаешь, если свобода и Родина —
Две несовместные вещи – проси не проси?

ГАМБУРГ

Меня ностальгия опять донимает, когда
Своё отражение в узком увижу канале
На фоне домов и готических шпилей. Едва ли
Я видел их прежде, впервые попавший сюда.

Возможно мой предок в забытые нынче года,
Сбежав из Испании при инквизиторском сыске,
В чулках с башмаками, в коротких штанах по-хасидски,
Стоял на мосту, и его отражала вода.

В музее диаспоры есть в Тель-Авиве раздел
С путями миграции. Там оказавшись, вначале
Я, помнится, долго на карту цветную глядел,
Стараясь понять, отчего мне всё снятся ночами

Не город восточный, сводящий приезжих с ума,
Не жёлтые горы отчизны моей азиатской,
А тёмный канал, островерхие эти дома,
И низкое небо, покрытое шаровой краской.

ШТУТГАРТ

Был и я когда-то юн и безус,
Да не понится теперь ничего.
В этом городе повешен был Зюс,
Эта площадь носит имя его.
Был у герцога он правой рукой,
Всех правителей окрестных мудрей,
В стороне германской власти такой
Ни один не добивался еврей.

Не жалея ни богатства, ни сил,
Став легендой далёких времен,
Многих женщин он немецких любил,
И за это был в итоге казнён.
Я прочел это полвека назад,
У завешенного сидя окна,
А за стенкой замерзал Ленинград,
А за стенкой бушевала война.

Скажет каждый, у кого ни спрошу,
В этом городе повешен был Зюс.
Отчего же я здесь вольно дышу,
А в Россию возвращаться боюсь?
Я сегодня, вспоминая о нем,
Путь к спасению последний отверг,
Там где солнечным восходят вином
Виноградники земли Вюртемберг

Кедрин Дмитрий Борисович

СТАРАЯ ГЕРМАНИЯ

Где он теперь, этот домик ветхий,
Зяблик, поющий в плетеной клетке,
Красный шиповник на свежей ветке
И золотистые косы Гретхен?
Пела гитара на старом Рейне,
Бурши читали стихи в кофейне,
Кутая горло платком пуховым,
У клавикордов сидел Бетховен.
Думал ли он, что под каждой крышей
Немцами будут пугать детишек?

Голландия

Брюсов Валерий Яковлевич

Эти милые, красно-зеленые домики,
Эти садики, в розах и желтых и алых,
Эти смуглые дети, как малые гномики,
Отраженные в тихо-застывших каналах, —
Эти старые лавки, где полки уставлены
Рядом банок пузатых, давно закоптелых,
Этот шум кабаков, заглушенный, подавленный,
Эти рослые женщины в чепчиках белых, —
Это все так знакомо, и кажется: в сказке я,
И готов наважденью воскликнуть я: vade!
Я с тобой повстречался, Рембрандтова Саския?
Я в твой век возвращен, Адриан ван Остаде?

Мориц Юнна Петровна

ЗЕЙДЕР ЗЕЕ
Леону Тоому

Я подвержена идее
Побывать на Зейдер-Зее,
На заливе, столь воспетом
Мореплавцем и поэтом
В древней саге и позднее,
В тех столетиях и в этом.
Да! Мечты моей предметом
Стал далекий Зейдер-Зее.
Только я смежаю веки —
Возникает образ некий,
Нежный, как цветок лаванды,
И старинный, как в музее.
Это волны Зейдер-Зее
Омывают Нидерланды,
Реи, якорные змеи,
Лодки, ботики, шаланды.
Кража в Лувре – Зейдер-Зее!
И никто, помимо детства,
До сих пор не знает средства,
Как придумывать заливам
Имена такого склада.
Надо быть каким счастливым
И чудесным ротозеем,
Чтобы крикнуть: – Зейдер-Зее!
И услышать: – Что вам надо?
Говорите поскорее! —
Детский лепет, Зейдер-Зее!
Вижу мельницу и флигель,
Где фламандец Уленшпигель
Или кто-нибудь попозже
Останавливался тоже

И бросался в Зейдер-Зее,
Побледнев от наслажденья,
В дни, когда, на солнце зрея,
Тело жаждет охлажденья,
А русалка или фея
Из волны зовет прохожих,
Бормоча одно и то же:
– Если в рай, так в Зейдер-Зее!
Боже мой, какие танцы
Исполняют оборванцы
В январе на Зейдер-Зее,
Спрятав шеи в бумазее!
На коньках летят, как духи,
Дети, белые старухи,
Длинноногие голландцы.
Что за странные таланты —
На ножах пускаться в бегство
Вдоль серебряной аллеи!
Неужели Нидерланды
Поголовно тянет в детство,
А разбег на Зейдер-Зее?
Мне мешают мысли эти
Просыпаться на рассвете,
А чудесные виденья
Ухудшают поведение.
Вот сижу, в окно глаза:
Вижу семь тюльпанных грядок,
Мачту, холстик в галерее.
– Где ты? – спрашивают рядом.
Голос тут, но что со взглядом?
– В самом деле, где же, где я?
Врать с утра неинтересно,
Лучше я признаюсь честно,
Что была на Зейдер-Зее.
Да, была на Зейдер-Зее!

Тредиаковский Василий Кириллович

ОПИСАНИЕ ГРОЗЫ, БЫВШИЯ В ГААГЕ

С одной страны гром,
С другой страны гром,
Смутно в воздухе!
Ужасно в ухе!
Набегли тучи,
Воду несучи,
Небо закрыли,
В страх помутили!
Молнии сверкают,

Страхом поражают,
Треск в лесу с перуна,
И темнеет луна,
Вихри бегут с прахом,
Полоса рвет махом,
Страшно режут воды
От той непогоды.
Ночь наступила,
День изменила,
Сердце упало:
Всё зло настало!
Пролил дождь в крышки,
Трясутся вышки,
Сыплются грады,
Бьют ветрограды.
Все животны рыщут,
Покоя не сыщут,
Бьют себя в груди
Виноваты люди,
Боятся напасти
И, чтоб не пропасти,
Руки воздевают,
На небо глашают:
«О солнце красно!
Стань опять ясно,
Разжени тучи,
Слезы горючи,
Столкай премену
Отсель за Вену.
Дхнуть бы зефиром
С тишайшим миром!
А вы, аквилоны,
Будьте как и оны:
Лютость отложите,
Только прохладите.
Побеги вся злоба
До вечного гроба:
Дни нам надо красны,
Приятны и ясны».

Чиннов Игорь Владимирович

Окружена публичными домами
Стариннейшая церковь в Амстердаме,
В любом окне по непречистой даме.
И прислонились к стенке писсуара
Младой турист, девица и гитара.
Над ними свет закатного пожара.
И отражается в воде канала

Красавица с таблеткой веронала.
Она стареет – и она устала.
И тридцать три малайца-сутенера
(Для девочек непрочная опора)
К двум неграм подошли – для разговора.
И девочка, купившая наркотик,
Ругает их, кривит увядший ротик.
К ней ковыляет бледный идиотик.
По-разному живут на свете люди.
Большой закат напоминал о чуде,
А проповедник говорил – о блуде.
Свобода выбора... Свобода воли...
А если всем определяет роли
Сам Саваоф на огненном престоле?

Городницкий Александр Моисеевич

АМСТЕРДАМ

Возврати, Амстердам, ненадолго свой облик вчерашний,
Где ветшающий храм, наклонившись пизанскою башней
Над сплетеньем каналов, его осеняет крестом,
Укрепляя надежность отсюда невидимой дамбы.
Покажи мне опять акварели твои и эстампы, —
Позабытого детства рассыпанный том.

Проведи меня снова по розовому кварталу,
Где за тонким стеклом отдыхают устало
Разноцветные жрицы любви,
Колыхаясь в луче, как аквариумные рыбки.
Их движения плавны, молочные контуры зыбки.
Сотню гульденов дай – и останешься с ней визави.

На каналах подтаявших, в однообразном порядке —
На окне занавески, на палубе садик и грядки —
Неподвижные баржи крутые качают бока.
В этой местности, где с океаном схлестнулась Европа,
Все живут на воде, словно Ной в ожидание потопа,
Пуповиною кабеля связаны с сушей пока.
Так и мне бы прожить в корабельном уюте убогом,
Там, где птица кружит над теряющим разум Ван-Гогом,
Где шприцы и бутылки швыряет в канал наркота,
В интерьере домов, как и в Новой Голландии строгом,
Между чёртом реальным и полумифическим Богом,
Вспоминая василеостровского неба цвета.

Так и мне бы прожить, не страшась наводнений и ливней,
Возле зыбкой межи, в окружении пейзажей наивных,
На краю континента, у северных хмурых морей,
Где в цене из одежды лишь то, что надёжней и проще,

И тюльпанами нежными летом расцвечена площадь,
И горит над мостами рубиновый свет фонарей.

Греция

Волошин Максимилиан Александрович

АКРОПОЛЬ
Серый шифер. Белый тополь.
Пламенеющий залив.
В серебристой мгле олив
Усеченный холм – Акрополь.
Ряд рассеченных ступеней,
Портик тяжких Пропилей,
И за горами камней,
В сетке легких синих теней,
Искры мраморных аллей.
Небо знойно и бездонно —
Веет синим огоньком.
Как струна, звенит колонна
С ионийским завитком.
За извивами Кефиза
Заплелись уступы гор
В рыже-огненный узор...
Луч заката брызнул снизу...
Над долиной сноп огней...
Рдеет пламенем над ней он —
В горне бронзовых лучей
Загорелый Эрехтейон...
Ночь взглянула мне в лицо.
Черны ветви кипариса.
А у ног, свернув кольцо,
Спит театр Диониса.

Батюшков Константин Николаевич

Где слава, где краса, источник зол твоих?
Где стогны шумные и граждане счастливы?
Где зданья пышные и храмы горделивы,
Мусия, золото, сияющие в них?
Увы! погиб навек Коринф столповенчанный!
И самый пепел твой развеян по полям,
Все пусто: мы одни взываем здесь к богам,
И стонет Алкион один в дали туманной!

Майков Аполлон Николаевич

НА ПУТИ ПО БЕРЕГУ КОРИНФСКОГО ЗАЛИВА

Всё время – реки без воды,
Без зелени долины,
С хрустящим камешком сады
И тощие маслины;
Зато – лазурный пояс вод,
И розовые горы,
И беспредельный неба свод,
Где ищет взор и не найдет
Хоть в легком облачке опоры!..

Мережковский Дмитрий Сергеевич

ПАРФЕНОН

Мне будет вечно дорог день,
Когда вступил я, Пропилеи,
Под вашу мраморную сень,
Что пены волн морских белее,
Когда, священный Парфенон,
Я увидел в лазури чистой
Впервые мрамор золотистый
Твоих божественных колонн,
Твой камень, солнцем весь облитый,
Прозрачный, теплый и живой,
Как тело юной Афродиты,
Рожденной пеною морской.
Здесь было все душе родное,
И Саламин, и Геликон,
И это море голубое
Меж белых, девственных колонн.
С тех пор душе моей святыня,
О, скудной Аттики земля,
Твоя печальная пустыня,
Твои сожженные поля!

Дания

Сурков Алексей Александрович

ДАТСКАЯ СКАЗКА

Сколько милой прелести в адресе,
Что лежит на моем столе.
Старый датский сказочник Андерсен
Жил на этой земле.
Городок второй категории,
Дремлет Одензе в полусне,
От широких дорог истории

В стороне.
На карнизах голуби сонные.
Сонный ветер гладит траву.
Шпили кирок темно-зеленые
Четко врезаны в синеву.
Пахнет в сонных кофейнях булками.
Тучка с моря грозит дождем.
Переулками, закоулками
В гости к сказочнику идем.
Вот белеет старая хижина
В чешуе черепиц.
Аккуратно сирень подстрижена.
Запах роз. Щебетанье птиц.
Восседают старухи строгие
На широких скамьях с утра.
Бродят школьники голоногие
По квадрату двора.
Струй фонтанных жидкое олово.
Тмином пахнувшая земля.
Здесь рождалась сказка про голого
Короля.
Подавляя трепет сердечный,
Мы в старинный домик вошли.
И король, этой сказкой меченный,
Вырос словно из-под земли.
Провожаемый взглядами горькими,
Полупьяный нахал
Шел, соря апельсинными корками,
И резинку жевал.
Перед ним какие-то франтики
Увивались, льстиво юля.
...Сказка кончилась. Нет романтики
В царстве голого короля.

Бальмонт Константин Дмитриевич

СИГУРД

Когда Сигурд отведал крови
Убитого Фафнира,
Весь Мир ему открылся внове,
Узнал он утро Мира.
Он увидал рожденье грома,
Проник в язык он птиц,
И все, что было так знакомо,
Оделось в блеск зарниц.

Певец, что был лицом прекрасен,
И был в словах разумен,
Узнал, как смысл явлений ясен,

Как хор их многошумен.
Он был избранником для пира, —
Прочь то, что нас гневит,
Он звал соперником Фафнира,
Соперник был убит.

Сигурд, Сигурд, ты был властитель,
Возлюбленный Судьбою,
Да будет славен победитель,
Ты взял добычу с бою.
Сигурд, Сигурд, ты звался Чудом,
Ты смело в Море шел,
Ты видел Землю изумрудом,
И пел тебе орел.

«Возьми», он пел напевом властным,
«Запястья золотые,
В них день горит, с отливом красным,
В них звезды молодые.
Налей свой кубок, в блеске пира,
Забудь, что было встарь,
Тебе открыто утро Мира,
И ты в том Море – Царь».

Ирландия

Гиппиус Зинаида Николаевна

ПОЧЕМУ
О Ирландия, океанная,
Мной не виденная страна!
Почему ее зыбь туманная
В ясность здешнего вплетена?
Я не думал о ней, не думаю,
Я не знаю ее, не знал...
Почему так режут тоску мою
Лезвия ее острых скал?
Как я помню зори надпленные?
В черной алости чаек стон?
Или памятью мира пленною
Прохожу я сквозь ткань времен?
О Ирландия неизвестная!
О Россия, моя страна!
Не единая ль мука крестная
Всей Господней земле дана?

Испания

Плещеев Алексей Николаевич

ГИДАЛЬГО

Полночь. Улицы Мадрида
И безлюдны и темны.
Не звучат шаги о плиты,
И балконы не облиты
Светом палевым луны.
Ароматом ветер дышит,
Зелень темную ветвей
Он едва-едва колышет...
И никто нас не услышит,
О сестра души моей!
Завернись в свой плащ атласный
И в аллею выходи.
Муж заснул... Боязнь напрасна.
Отдохнешь ты безопасно
У гидальго на груди.
Иль как червь до утра гложет
Ревность сердце старика?..
Если сны его встревожат,
Шпага острая поможет, —
Не дрожит моя рука!
Поклялся твоей красою
Мстить я мужу твоему...
Не владеть ему тобою!
Знаю я: ты злой семьею
Продана была ему!
Выходи же на свиданье,
Донья чудная моя!
Ночь полна благоуханья,
И давно твои лобзанья
Жду под сенью миртов я!..

Волошин Максимилиан Александрович

КАСТАНЬЕТЫ

Из страны, где солнца свет
Льется с неба жгуч и ярок,
Я привез себе в подарок
Пару звонких кастаньет.
Беспокойны, говорливы,
Отбивая звонкий стих, —
Из груди сухой оливы
Сталью вырезали их.

Щедры лентами одеты
С этой южной пестротой:
В них живет испанский зной,
В них сокрыт кусочек света.
И когда Париж огромный
Весь оденется в туман,
В мутный вечер, на диван
Лягу я в мансарде темной,
И напомнят мне оне
И волны морской извивы,
И дрожащий луч на дне,
И узлистый ствол оливы,
Вечер в комнате простой,
Силуэт седой колдуньи,
И красавицы плясуньи
Стан и гибкий и живой,
Танец быстрый, голос звонкий,
Грациозный и простой,
С этой южной, с этой тонкой
Стрекозиной красотой.
И танцоры идут в ряд,
Облитые красным светом,
И гитары говорят
В такт трескучим кастаньетам.
Словно щелканье цикад
В жгучий полдень жарким летом.

Пушкин Александр Сергеевич

Я здесь, Инезилья,
Я здесь под окном.
Объята Севилья
И мраком и сном.
Исполнен отвагой,
Окутан плащом,
С гитарой и шпагой
Я здесь под окном.
Ты спишь ли? Гитарой
Тебя разбужу.
Проснется ли старый,
Мечом уложу.
Шелковые петли
К окошку привесь...
Что медлишь?.. Уж нет ли
Соперника здесь?..
Я здесь, Инезилья,
Я здесь под окном.
Объята Севилья
И мраком и сном.

Маковский Сергей Константинович

СТАРЫЙ ХРАМ

Здесь было капище Венеры; смутный след
его доныне жив. Потом здесь готы были.
Но воины пустынь, арабы, их сменили,
и стал мечетью храм на много, много лет.

И после новых битв кровавых и побед
вожди Испании неверных оттеснили.
Узорную мечеть они опустошили
и бронзовым крестом венчали минарет.

О путник! ты глядишь на церковь христиан,
на прежнюю мечеть, на капище Венеры...
Как знать? Когда-нибудь, из незнакомых стран,
сюда опять придут народы чуждой веры.
Они сломают крест, завещанный векам.
И возродится вновь все тот же старый храм.

Эренбург Илья Григорьевич

ГОНЧАР В ХАЭНЕ

Где люди ужинали – мусор, щебень,
Кастрюли, битое стекло, постель,
Горшок с сиренью, а высоко в небе
Качается пустая колыбель.
Железо, кирпичи, квадраты, диски,
Разрозненные, смутные куски.
Идешь – и под ногой кричат огрызки
Чужого счастья и чужой тоски.
Каким мы прежде обольщались вздором!
Что делала, что холила рука?
Так жизнь, ободранная живодером,
Вдвойне необычайна и дика.
Портрет семейный, – думали про сходство,
Загадывали, чем обить диван.
Всей оболочки грубое уродство
Навязчиво, как муха, как дурман.
А за углом уж суета дневная,
От мусора очищен тротуар.
И в глубине прохладного сарая
Над глиной трудится старик гончар.
Я много жил, я ничего не понял
И в изумлении гляжу один,
Как, повинясь старческой ладони,
Из темноты рождается кувшин.

Городницкий Александр Моисеевич

У ИСПАНСКОЙ ГРАНИЦЫ

У испанской границы пахнет боем быков —
Взбаламученной пылью и запёкшейся кровью.
У испанской границы не найдёшь земляков,
Кроме тех, что легли здесь – серый крест в изголовье.

Каталонские лавры над бойцами шумят,
Где-то плачут над ними магаданские ели.
Спят комбриги полёгших понапрасну бригад,
Трубачи озорные постареть не успели.

Эй, ребята, вставайте! – нынче время не спать.
На седые шинели пришивайте петлицы.
Вы бригаду под знамя соберите опять
У испанской границы, у испанской границы!

Но молчат комиссары в той земле ледяной,
Им в завьюженной тундре солнце жаркое снится.
И колымские ветры всё поют надо мной
У испанской границы, у испанской границы.

Заболоцкий Николай Алексеевич

БОЛЕРО

Итак, Равель, танцуем болеро!
Для тех, кто музыку на сменит на перо,
Есть в этом мире праздник изначальный —
Напев волынки скудный и печальный
И эта пляска медленных крестьян...
Испания! Я вновь тобою пьян!
Цветок мечты возвышенной взлелеяв,
Опять твой образ предо мной горит
За отдаленной гранью Пиренеев!
Увы, замолк истерзанный Мадрид,
Весь в отголосках пролетевшей бури,
И нету с ним Долорес Ибаррури!
Но жив народ, и песнь его жива.
Танцуй, Равель, свой исполинский танец,
Танцуй, Равель! Не унывай, испанец!
Вращай, История, литые жернова,
Будь мельничихой в грозный час прибоя!
О, болеро, священный танец боя!

Маршак Самуил Яковлевич

ДОН-КИХОТ

Пора в постель, но спать нам неохота.
Как хорошо читать по вечерам!
Мы в первый раз открыли Дон-Кихота,
Блуждаем по долинам и горам.

Нас ветер обдаёт испанской пылью,
Мы слышим, как со скрипом в вышине
Ворочаются мельничные крылья
Над рыцарем, сидящим на коне.

Что будет дальше, знаем по картинке:
Крылом дырявым мельница махнет,
И будет сбит в неравном поединке
В нее копьё вонзивший Дон-Кихот.

Но вот опять он скачет по дороге...
Кого он встретит? С кем затеет бой?
Последний рыцарь, тощий, длинноногий,
В наш первый путь ведет нас за собой.

И с этого торжественного мига
Навек мы покидаем отчий дом.
Ведут беседу двое: я и книга.
И целый мир неведомый кругом.

Ахадов Эльдар Алихасович

Пред тобой расступаются пальмы,
В ноги нежно ложится песок...
Улыбается море, как тайна,
Что хранит голубой завиток.
И течет побережьем испанским
Вслед тебе смуглолицая речь:
Словно воздух искрится шампанским,
Или звёзды касаются плеч.
И одной лишь тебе, не смолкая,
Шепчут волны всю ночь до утра,
Как люблю я тебя, дорогая,
В том краю, где дожди и ветра...

2010

Италия

Майков Аполлон Николаевич

Пора, пора! Уж утро славит птичка,

И свежестью пахнуло мне в окно.
Из города зовет меня давно
К полям широким старая привычка.
Возьмем коней, оставим душный Рим,
И ряд дворцов его тяжеловесных,
И пеструю толпу вдоль улиц тесных,
И воздухом подышим полевым.
О! как легко! как грудь свободно дышит!
Широкий горизонт расширил душу мне...
Мой конь устал... Мысль бродит в тишине,
Земля горит, и небо зноем пышет...
Сабинских гор неровные края
И Апеннин верхи снеговенчанны,
Шум мутных рек, бесплодные поля,
И, будто нищий с ризою раздранной,
Обломок башни, обвитой плющом,
Разбитый храм с остатком смелых сводов
Да бесконечный ряд водопроводов
Открылися в тумане голубом...
Величие и ужас запустенья...
Угрюмого источник вдохновенья...
Всё тяжко спит, всё умерло почти...
Лишь простучит на консульском пути
По гладким плитам конь поселянина,
И долго дикий всадник за горой
Виднеется, в плаще и с палкой длинной,
И в шапке острой... Вот в тени руины
Еще монах усталый и босой,
Окутавшись широким капюшоном,
Заснул, склонясь на камень головой,
А вдалеке, под синим небосклоном,
На холме мазанка из глины и ветвей,
И кипарис чернеется над ней...
Измученный полудня жаром знойным,
Вошел я внутрь руин, безвестных мне.
Я был объят величием их спокойным.
Глядеть и слушать в мертвой тишине
Так сладостно!.. Тут целый мир видений!..
То цирк был некогда, теперь он опустел,
Полынь и терн уселись на ступени,
Там, где народ ликующий шумел,
Близ ложи цезарей еще лежали
Куски статуй, курильниц и амфор:
Как будто бы они здесь восседали
Еще вчера, увеселяя взор
Ристанием... но по арене длинной
Цветистый мак пестреет меж травой
И тростником, и розой полевой,
И рыщет ветер, один, что конь пустынный.

Лохмотьями прикрыт, полунагой,
Глаза как смоль и с молниею взгляда,
С чернокудрявой, смуглой головой,
Пасет ребенок коз пугливых стадо.
Трагически ко мне он руку протянул,
«Я голоден, – со злобою взывая.-
Я голоден!..» Невольно я вздохнул
И, нищего и цирк обозревая,
Промолвил: «Вот она – Италия святая!»

Иванов Вячеслав Иванович

Покорный день сходил из облаков усталых,
И, как сомкнутые покорные уста,
Была беззвучна даль, и никла немота
Зеленохвостых чащ и немощь листв увялых,

И кроткою лилась истомой теплота
На нищий блеск дубов, на купы пиний малых,
И влажная земля, под тленьем куц опалых,
Была, как Смерть и Сев, смиренна и свята...

Таким явился мне, – о мертвая Равенна! —
Твой лес прославленный, – ты, в лепоте святынь,
Под златом мозаик хранительных забвенна!

И был таков твой сон и скорбь твоих пустынь,
Где веет кротко Смерть, под миром Крыл лелея
Мерцающую Жизнь, как бледный огонь елея.

Майков Аполлон Николаевич

Ах, чудное небо, ей-Богу, над этим классическим Римом!
Под таким небом невольно художником станешь.
Природа и люди здесь будто другие, как будто картины
Из ярких стихов антологии древней Эллады.
Ну, вот, поглядите: по каменной белой ограде разросся
Блуждающий плющ, как развешанный плащ иль завеса,
В середине, меж двух кипарисов, глубокая темная ниша,
Откуда глядит голова с преуродливой миной
Тритона. Холодная влага из пасти, звеня, упадает.
К фонтану альбанка (ах, что за глаза из-под тени
Покрова сияют у ней! что за стан в этом алом корсете!)
Подставив кувшин, ожидает, как скоро водою
Наполнится он, а другая подруга стоит неподвижно,
Рукой охватив осторожно кувшин на облитой
Вечерним лучом голове... Художник (должно быть, германец)
Спешит срисовать их, довольный, что случай неожиданно

В их позах сюжет ему дал для картины, и вовсе не мысля,
Что я срисовал в то же время и чудное небо,
И плещ темнолистый, фонтан и свирепую рожу тритона,
Альбанок и даже – его самого с его кистью!

Мей Лев Александрович

БАРКАРОЛА

Стихнул говор карнавала,
На поля роса упала,
Месяц землю серебрит,
Все спокойно, море спит.
Волны нянчают гондолу...
«Спой, синьора, баркаролу!
Маску черную долой,
Обойми меня и пой!..»
«Нет, синьор, не скину маски,
Не до песен, не до ласки:
Мне зловещий снился сон,
Тяготит мне сердце он».
«Сон приснился, что ж такое?
Снам не верь ты, все пустое,
Вот гитара, не тоскуй,
Спой, сыграй и поцелуй!..»
«Нет, синьор, не до гитары:
Снилось мне, что муж мой старый
Ночью тихо с ложа встал,
Тихо вышел на канал,
Завернул стилет свой в полу
И в закрытую гондолу —
Вон, как эта, там вдали —
Шесть немых гребцов вошли...»

Ходасевич Владислав Фелицианович

БРЕНТА

Адриатические
волны!
О, Брента...

«Евгений Онегин»
Брента, рыжая речонка!
Сколько раз тебя воспели,
Сколько раз к тебе летели
Вдохновенные мечты —
Лишь за то, что имя звонко,
Брента, рыжая речонка,
Лживый образ красоты!
Я и сам спешил когда-то

Заглянуть в твои отливы,
Окрыленный и счастливый
Вдохновением любви.
Но горька была расплата.
Брента, я взглянул когда-то
В струи мутные твои.
С той поры люблю я, Брента,
Одинокие скитанья,
Частого дождя кропанье
Да на согнутых плечах
Плащ из мокрого брезента.
С той поры люблю я, Брента,
Прозу в жизни и в стихах.

Пушкин Александр Сергеевич

Близ мест, где царствует Венеция златая,
Один, ночной гребец, гондолой управляя,
При свете Веспера по взморию плывет,
Ринальда, Годфреда, Эрминию поет.
Он любит песнь свою, поет он для забавы,
Без дальних умыслов, не ведает ни славы,
Ни страха, ни надежд, и, тихой музыки полн,
Умеет услаждать свой путь над бездной волн.
На море жизненном, где бури так жестоко
Преследуют во мгле мой парус одинокой,
Как он, без отзыва утешно я пою
И тайные стихи обдумывать люблю.

Иванов Вячеслав Иванович

В КОЛИЗЕЕ

Great is their love, who love in sin and fear.

Byron

Велика тех любовь,

кто любят во грехе и страхе.

Байрон

День влажнокудрый досиял,
Меж туч огонь вечерний сея.
Вкруг помрачался, вкруг зиял
Недвижный хаос Колизея.
Глядели из стихийной тьмы
Судеб безвременные очи...
День бурь истомных к прагу ночи,
День алчный провожали мы —
Меж глыб, чья вечность роковая
В грехе святилась и крови,

Дух безнадежный предавая
Преступным терниям любви,
Стеснясь, как два листа, что мчит,
Безвольных, жадный плен свободы,
Доколь их слившей непогоды
Вновь легкий вздох не разлучит...

Бунин Иван Алексеевич

СИЦИЛИЯ

Монастыри в предгорьях глухих,
Наследие разбойников морских,
Обители забытые, пустые, —
Моя душа жила когда-то в них:
Люблю, люблю вас, келии простые,
Дворы в стенах тяжелых и нагих,
Валы и рвы, от плесени седые,
Под башнями кустарники густые
И глыбы скользких пепельных камней,
Загромоздивших скаты побережий,
Где сквозь маслины кажется синей
Вода у скал, где крепко треплет свежий,
Соленый ветер листьями маслин
И на ветру благоухает тмин!

Пастернак Борис Леонидович

ВЕНЕЦИЯ

Я был разбужен спозаранку
Щелчком оконного стекла.
Размокшей каменной баранкой
В воде Венеция плыла.
Все было тихо, и, однако,
Во сне я слышал крик, и он
Подобьем смолкнувшего знака
Еще тревожил небосклон.
Он вис трезубцем Скорпиона
Над гладью стихших мандолин
И женщиною оскорбленной,
Быть может, издан был вдали.
Теперь он стих и черной вилкой
Торчал по черенку во мгле.
Большой канал с косою ухмылкой
Оглядывался, как беглец.
Туда, голодные, противясь,
Шли волны, шлендая с тоски,
И гондолы рубили привязь,
Точа о пристань тесаки.

Вдали за лодочной стоянкой
В остатках сна рождалась явь.
Венеция венецианкой
Бросалась с набережных вплавь.

Лермонтов Михаил Юрьевич

ВЕНЕЦИЯ

1

Поверхностью морей отражена,
Богатая Венеция почила,
Сырой туман дымился, и луна
Высокие твердыни осребрила.
Чуть виден бег далекого ветрила,
Студеная вечерняя волна
Едва шумит вод веслами гондолы
И повторяет звуки баркаролы.

2

Мне чудится, что это ночи стон,
Как мы, своим покоем недовольной,
Но снова песнь! и вновь гитары звон!
О, бойтесь, мужья, сей песни вольной.
Советую, хотя мне это больно,
Не выпускать красавиц ваших, жен,
Но если вы в сей миг неверны сами,
Тогда, друзья! да будет мир меж вами!

3

И мир с тобой, прекрасный Чичизбей,
И мир с тобой, лукавая Мелина.
Неситесь по прихоти морей,
Любовь нередко бережет пучина,
Хоть и над морем царствует судьбина,
Гонитель вечный счастливых людей,
Но талисман пустынного лобзанья
Уводит сердца темные мечтанья.

4

Рука с рукой, свободу дав очам,
Сидят в ладье и шепчут меж собою,
Она вверяет месячным лучам
Младую грудь с пленительной рукою,
Укрытые досель под епанчою,
Чтоб юношу сильней прижать к устам,
Меж тем вдали, то грустный, то веселый,
Раздался звук обычной баркаролы:
Как в дальнем море ветерок,
Свободен вечно мой челнок,
Как речки быстрое русло,
Не устает мое весло.

Гондола по воде скользит,
А время по любви летит,
Опять сравнивается вода,
Страсть не воскреснет никогда.

Пушкин Александр Сергеевич

Везувий зев открыл – дым хлынул клубом – пламя
Широко разлилось, как боевое знамя.
Земля волнуется – с шатнувшихся колонн
Кумиры падают! Народ, гонимый страхом,
Под каменным дождем, под воспаленным прахом,
Толпами, стар и млад, бежит из града вон.

Гумилёв Николай Степанович

Поздно. Гиганты на башне
Гулко ударили три.
Сердце ночами бесстрашной.
Путник, молчи и смотри.
Город, как голос наяды,
В призрачно-светлом былом,
Кружев узорней аркады,
Воды застыли стеклом.
Верно, скрывают колдуний
Завесы черных гондол
Там, где огни на лагуне —
Тысячи огненных пчел.
Лев на колонне, и ярко
Львиные очи горят,
Держит Евангелие Марка,
Как серафимы, крылат.
А на высотах собора,
Где от мозаики блеск,
Чу, голубинога хора
Вздых, воркованье и плеск.
Может быть, это лишь шутка,
Скал и воды колдовство,
Марево? Путнику жутко,
Вдруг... никого, ничего?
Крикнул. Его не слышали,
Он, оборвавшись, упал
В зыбкие, бледные дали
Венецианских зеркал.

Тютчев Фёдор Иванович

ВЕНЕЦИЯ
Дож Венеции свободной

Средь лазоревых зыбей,
Как жених порфирородный,
Достославно, всенародно
Обручался ежегодно
С Адриатикой своей.
И не даром в эти воды
Он кольцо свое бросал:
Веки целые, не годы
(Дивовалися народы),
Чудный перстень воеводы
Их вязал и чаровал...
И чета в любви и мире
Много славы нажила —
Века три или четыре,
Все могучее и шире,
Разрасталась в целом мире
Тень от львиного крыла.
А теперь?
В волнах забвенья
Сколько брошенных колец!..
Миновались поколения, —
Эти кольца обрученья,
Эти кольца стали звенья
Тяжкой цепи наконец!..

Ходасевич Владислав Фелицианович

ГЕНУЯ
Красный Марс восходит над агавой,
Но прекрасней светят нам они —
Генуи, в былые дни лукавой,
Мирные, торговые огни.
Меркнут гор прибрежные отроги,
Пахнет пылью, морем и вином.
Запоздалый ослик на дороге
Торопливо плещет бубенцом...
Не в такой ли час, когда ночные
Небеса синели надо всем,
На таком же ослике Мария
Покидала тесный Вифлеем?
Топотали частые копыта,
Отставал Иосиф, весь в пыли...
Что еврейке бедной до Египта,
До чужих овец, чужой земли?
Плачет мать. Дитя под черной тальмой
Сонными губами ищет грудь,
А вдали, вдали звезда над пальмой
Беглецам указывает путь.

Ходасевич Владислав Фелицианович

«Вот в этом палаццо жила Дездемона...»
Все это неправда, но стыдно смеяться.
Смотри, как стоят за колонной колонна
Вот в этом палаццо.
Вдали затихает вечерняя Пьяцца,
Беззвучно вращается свод небосклона,
Расшитый звездами, как шапка паяца.
Минувшее – мальчик, упавший с балкона...
Того, что настанет, не нужно касаться...
Быть может, и правда – жила Дездемона
Вот в этом палаццо?..

Брюсов Валерий Яковлевич

ДАНТЕ В ВЕНЕЦИИ

По улицам Венеции, в вечерний
Неверный час, блуждал я меж толпы,
И сердце трепетало суеверней.
Каналы, как громадные тропы,
Манили в вечность, в переменах тени
Казались дивны строгие столпы,
И ряд оживших призрачных строений
Являл очам, чего уж больше нет,
Что было для минувших поколений.
И, словно унесенный в лунный свет,
Я упивался невозможным чудом,
Но тяжек был мне дружеский привет...
В тот вечер улицы кишели людом,
Во мгле свободно веселился грех,
И был весь город дьявольским сосудом.
Бесстыдно раздавался женский смех,
И зверские мелькали мимо лица...
И помыслы разгадывал я всех.
Но вдруг среди позорной вереницы
Угрюмый облик предо мной возник.
Так иногда с утеса глянут птицы, —
То был суровый, опаленный лик.
Не мертвый лик, но просветленно-страстный.
Без возраста – не мальчик, не старик.
И жалким нашим нуждам не причастный,
Случайный отблеск будущих веков,
Он сквозь толпу и шум прошел, как властный.
Мгновенно замер говор голосов,
Как будто в вечность приоткрылись двери,
И я спросил, дрожа, кто он таков.
Но тотчас понял: Данте Алигьери.

Веневитинов Дмитрий Владимирович

ИТАЛИЯ

Италия, отчизна вдохновенья!
Придет мой час, когда удастся мне
Любить тебя с восторгом наслажденья,
Как я люблю твой образ в светлом сне.
Без горя я с мечтами распрощаюсь,
И наяву, в кругу твоих чудес,
Под яхонтом сверкающих небес,
Младой душой по воле разыграюсь.
Там радостно я буду петь зарю
И поздравлять царя светил с восходом,
Там гордо я душою воспарю
Под пламенным необозримым сводом.
Как весело в нем утро золотое
И сладостна серебряная ночь!
О мир сует! тогда от мыслей прочь!
В объятьях нег и в творческом покое
Я буду жить в минувшем средь певцов,
Я вызову их сонмы из гробов!
Тогда, о Тасс! твой мирный сон нарушу,
И твой восторг, полуденный твой жар
Прольет и жизнь, и песней сладких дар
В холодный ум и в северную душу.

Тютчев Фёдор Иванович

ИТАЛЬЯНСКАЯ VILLA¹

И распростиась с тревогою житейской
И кипарисной рощей заслонясь —
Блаженной тенью, тенью элисейской
Она заснула в добрый час.
И вот уж века два тому иль боле,
Волшебною мечтой ограждена,
В своей цветущей опочив юдоле,
На волю неба предалась она.
Но небо здесь к земле так благосклонно!..
И много лет и теплых южных зим
Провеяло над нею полусонно,
Не тронувши ее крылом своим.
По-прежнему в углу фонтан лепечет,
Под потолком гуляет ветерок,
И ласточка влетает и щебечет...
И спит она... и сон ее глубок!..
И мы вошли... Всё было так спокойно!
Так всё от века мирно и темно!..

¹ Вилла (ит.)

Фонтан журчал... Недвижимо и стройно
Соседний кипарис глядел в окно.
Вдруг всё смутилось: судорожный трепет
По ветвям кипарисным пробежал, —
Фонтан замолк – и некий чудный лепет,
Как бы сквозь сон, невнятно прошептал:
«Что это, друг? Иль злая жизнь не даром,
Та жизнь, увы! что в нас тогда текла,
Та злая жизнь, с ее мятежным жаром,
Через порог заветный перешла?»

Козлов Иван Иванович

К ИТАЛИИ

В. А. Жуковскому

Лети со мной к Италии прелестной,
Эфирный друг, фантазия моя!
Земля любви, гармонии чудесной,
Где радостей веселая семья
Взлелеяна улыбкою небесной,
Италия, Торкватова земля,
Ты не была, не будешь мною зрима,
Но как ты мной, прекрасная, любима!
Мне видятся полуденные розы,
Душистые лимонные леса,
Зеленый мирт и виноградны лозы,
И синие, как яхонт, небеса.
Я вижу их – и тихо льются слезы...
Италия, мила твоя краса,
Как первое любви молодой мечтанье,
Как чистое младенчества дыханье.
С высот летят сияющие воды,
Жемчужные – над безднами горят,
Таинственных видений хороводы
Прозрачные – вокруг гор твоих кипят,
Твои моря, не зная непогоды,
Зеленые – струятся и шумят,
Воздушный пир – твой вечер благодатный
С прохладою и негой ароматной.
Луна взошла, а небосклон пылает
Последнею багряною зарей,
Высокий свод безоблачно сияет,
Весь радужной подернут пеленой,
И яркий луч, сверкая, рассыпает
Блеск розовый над сонною волной,
Но гаснет он под ризою ночною,
Залив горит, осеребрен луною.
И я несусь волшебными крылами

К развенчанной царице волн морских:
Там звук октав с любовью и мечтами
При сладостном мерцанье звезд ночных,
Там Байрон пел, там бродит меж гробами
Тень грозная свободы дней былых,
Там в тишине как будто слышны стоны
Пленительной, невинной Десдемоны.
Но вдруг печаль, Италия, стеснила
Души восторг и светлые мечты,
Слезами ты и кровью искупила
Дар пагубный чудесной красоты,
Она к тебе рать буйную манила
Угрюмых гор с туманной высоты,
И враг – твой бич, и гордый избавитель —
Не мирный друг, но хищный притеснитель.*
А ты прими от сердца завещанье,
Певец, Орфей полуночной страны!
Ты будешь зреть тех волн очарованье
И нежный блеск над Brento луны,
И вспомнишь ты дум пламенных мечтанье
И юных лет обманутые сны.
О, в сладкий час, душою посвященный
Друзьям живым и праху незабвенной,
Когда в пылу сердечных упоений
Ты звонких струн таинственной игрой
Сольешь, о друг, ряд северных видений
С небесною Италией красой,
И, может быть, в толпе родных явлений
Промчусь и я, как призрак, над тобой, —
Скажи земле певца Иерусалима,
Как мной была прекрасная любима!

Иванов Вячеслав Иванович

ЛАТИНСКИЙ КВАРТАЛ

Е. С. Кругликовой

Кто знает край, где свой – всех стран школяр?
Где молодость стопой стремится спешной,
С огнем в очах, чела мечтой безгрешной
И криком уст, – а уличный фигляр
Толпу зевак собрал игрой потешной?
Где вам венки, поэт, трибун, маляр,
В дыму и визгах дев? Где мрак крошечный
Дант юный числил, мыслил Абеляр?
Где речь вольна и гении косматы?
Где чаще всё, родных степей сарматы,
Проходит сонм ваш, распрей обуян?
Где тклет любовь меж мраморных Диан

На солнце ткань, и Рима казематы
Черны в луне?.. То – град твой, Юлиан!

Плещеев Алексей Николаевич

Люблю стремиться я мечтою
В ту благодатную страну,
Где мирт, поникнув головою,
Лобзает светлую волну,
Где кипарисы величаво
К лазури неба вознеслись,
Где сладкозвучные октавы
Из уст Торкватовых лились,
Где Дант, угрюмый и суровый,
Из ада тени вызывал,
К стопам Лауры свой лавровый
Венец Петрарка повергал,
Где Рафаэль, благоговей,
Изображал мадонны лик,
Из массы мрамора Психею
Кановы мощный перст воздвиг,
Где в час, когда луны сияньем
Залив широкий осребрен
И ароматное дыханье
Льют всюду роза и лимон, —
Скользит таинственно гондола
По влаге зыбкой и немой,
И замирает баркарола,
Как поцелуй, в тиши ночной!..
Где жили вы... Где расцветали
Роскошно-гордою красой!
О, расскажите ж, как мечтали
Вы в стороне волшебной той!
Я вас заслушаюсь... И в очи
Вам устремлю я тихий взгляд —
И небо южной, дивной ночи
Они поэту заменят!..

Иванов Вячеслав Иванович

МОНАСТЫРЬ В СУБИАКО
За мной – вершин лиловый океан,
И крест, и дверь – в конце тропы нагорной,
Где каменных дубов сомкнутый стан
Над кручей скал листвой поникнул черной.
Как стая змей, корней извив упорный,
Проник утес в отверстия старых ран:
Их сеть тверда, как их оплот опорный,
Их сень вотще колеблет ураган.

Вхожу. Со стен святые смотрят тени,
Ведут во мглу подземную ступени,
Вот жертвенник: над ним – пещерный свод.
Вот вертоград: нависли скал угрозы,
Их будит гром незримых дольных вод,
А вокруг горят мистические розы.

Гумилёв Николай Степанович

МАНЛИЙ

Манлий сброшен. Слава Рима,
Власть все та же, что была,
И навеки нерушима,
Как Тарпейская скала.
Рим, как море, волновался,
Разрезали вопли тьму,
Но спокойно улыбался
Низвергаемый к нему.
Для чего ж в полдневной хмаре,
Озаряемый лучом,
Возникает хмурый Марий
С окровавленным мечом?

МОРЕПЛАВАТЕЛЬ ПАВЗАНИЙ

Мореплаватель Павзаний
С берегов далеких Нила
В Рим привез и шкуры ланей,
И египетские ткани,
И большого крокодила.
Это было в дни безумных
Извращений Каракаллы.
Бог веселых и бездумных
Изукрасил цепью шумных
Толп причудливые скалы.
В золотом, невинном горе
Солнце в море уходило,
И в пурпуровом уборе
Император вышел в море,
Чтобы встретить крокодила.
Суетились у галеры
Бородатые скитальцы.
И изящные гетеры
Поднимали в честь Венеры
Точно мраморные пальцы.
И какой-то сказкой чудной,
Нарушителем гармоний,
Крокодил сверкал у судна
Чешуею изумрудной

На серебряном понтоне.

Мережковский Дмитрий Сергеевич

НА ОЗЕРЕ КОМО
Кому страдание знакомо,
Того ты сладко усыпишь,
Тому понятна будет, Комо,
Твоя безветренная тишь.
И по воде, из церкви дальней,
В селеньи бедных рыбаков,
Ave Maria – стон печальный,
Вечерний звон колоколов...
Здесь горы в зелени пушистой
Уютно заслонили даль,
Чтобы волной своей тенистой
Ты убаюкало печаль.
И обещанье так прекрасно,
Так мил обманчивый привет,
Что вот опять я жду напрасно,
Чего, я знаю, в мире нет.

Козлов Иван Иванович

Над темным заливом, вдоль звучных зыбей
Венеции, моря
царицы,
Пловец полуночный в гондоле своей
С вечерней зари до
денницы
Рулем беззаботным небрежно сечет
Ленивую влагу
ночную,
Поет он Ринальда, Танкреда поет,
Поет Эрминию
младую,
Поет он по сердцу, сует удален,
Чужого суда не
страшится,
И песней любимой невольно пленен,
Над бездною весело
мчится.
И я петь люблю про себя, в тишине,
Безвестные песни
мечтаю,
Пою, и как будто отраднее мне,
Я горе мое забываю,
Как ветер ни гонит мой бедный челнок

Пучиною жизни
мятежной,
Где я так уныло и так одинок
Скитаюсь во тьме
безнадежной...

Дельви́г Антон Антонович

НАДПИСЬ НА СТАТУЮ ФЛОРЕНТИЙСКОГО МЕРКУРИЯ
Перст указывает на даль, на главе развилися крылья,
Дышит свободою грудь, с легкостью дивною он,
В землю удара крылатой ногой, кидается в воздух...
Миг – и умчится! Таков полный восторга певец.

Баратынский Евгений Абрамович

Небо Италии, небо Торквата,
Прах поэтический древнего Рима,
Родина неги, славой богата,
Будешь ли некогда мною ты зрима?
Рвется душа, нетерпением объята,
К гордым остаткам падшего Рима!
Снятся мне доли, леса благовонны,
Снятся упавших чертогов колонны!

Ходасевич Владислав Фелицианович

Нет ничего прекрасней и привольней,
Чем навсегда с возлюбленной расстаться
И выйти из вокзала одному.
По-новому тогда перед тобою
Дворцы венецианские предстанут.
Помедли на ступенях, а потом
Сядь в гондолу. К Риальто подплывая,
Вдохни свободно запах рыбы, масла
Прогорклого и овощей лежалых
И вспомни без раскаянья, что поезд
Уж Мэстре, вероятно, миновал.
Потом зайди в лавчонку banco lotto,
Поставь на семь, четырнадцать и сорок,
Пройдись по Мерчерии, пообедай
С бутылкою «Вальполичелла». В девять
Переоденься, и явись на Пьяцце,
И под финал волшебной увертюры
«Тангейзера» – подумай: «Уж теперь
Она проехала Понтеббу». Как привольно!
На сердце и свежо и горьковато.

Гумилёв Николай Степанович

ОСНОВАТЕЛИ

Ромул и Рем взошли на гору,
Холм перед ними был дик и нем.
Ромул сказал: «Здесь будет город».
«Город, как солнце» – ответил Рем.
Ромул сказал: «Волей созвездий
Мы обрели наш древний почет».
Рем отвечал: «Что было прежде,
Надо забыть, глянем вперед».
«Здесь будет цирк, – промолвил Ромул, —
Здесь будет дом наш, открытый всем».
«Но надо поставить ближе к дому
Могильные склепы», – ответил Рем.

Бродский Иосиф Александрович

ПИСЬМА РИМСКОМУ ДРУГУ (Из Марциала)

Нынче ветрено и волны с перехлестом.
Скоро осень, все изменится в округе.
Смена красок этих трогательней, Постум,
чем наряда перемены у подруги.

Дева тешит до известного предела —
дальше локтя не пойдешь или колена.
Сколь же радостней прекрасное вне тела:
ни объятье невозможно, ни измена!

Посылаю тебе, Постум, эти книги
Что в столице? Мягко стелют? Спать не жестко?
Как там Цезарь? Чем он занят? Все интриги?
Все интриги, вероятно, да обжорство.

Я сижу в своем саду, горит светильник.
Ни подруги, ни прислуги, ни знакомых.
Вместо слабых мира этого и сильных —
лишь согласное гуденье насекомых.

Здесь лежит купец из Азии. Толковым
был купцом он – деловит, но незаметен.
Умер быстро: лихорадка. По торговым
он делам сюда приплыл, а не за этим.

Рядом с ним – легионер, под грубым кварцем.
Он в сражениях Империю прославил.
Столько раз могли убить! а умер старцем.

Даже здесь не существует, Постум, правил.

Пусть и вправду, Постум, курица не птица,
но с куриными мозгамихватишь горя.
Если выпало в Империи родиться,
лучше жить в глухой провинции у моря.

И от Цезаря далеко, и от вьюги.
Лебезить не нужно, трусить, торопиться.
Говоришь, что все наместники – ворюги?
Но ворюга мне милей, чем кровопийца.

Этот ливень переждать с тобой, гетера,
я согласен, но давай-ка без торговли:
брать сестерций с покрывающего тела
все равно, что дранку требовать у кровли.

Протекаю, говоришь? Но где же лужа?
Чтобы лужу оставлял я, не бывало.
Вот найдешь себе какого-нибудь мужа,
он и будет протекать на покрывало.

Вот и прожили мы больше половины.
Как сказал мне старый раб перед таверной:
«Мы, оглядываясь, видим лишь руины».
Взгляд, конечно, очень варварский, но верный.

Был в горах. Сейчас вожусь с большим букетом.
Разыщу большой кувшин, воды налью им...
Как там в Ливии, мой Постум, – или где там?
Неужели до сих пор еще воюем?

Помнишь, Постум, у наместника сестрица?
Худощавая, но с полными ногами.
Ты с ней спал еще... Недавно стала жрица.
Жрица, Постум, и общается с богами.

Приезжай, попьем вина, закусим хлебом.
Или сливами. Расскажешь мне известья.
Постелю тебе в саду под чистым небом
и скажу, как называются созвездья.

Скоро, Постум, друг твой, любящий сложенье,
долг свой давний вычитанию заплатит.
Забери из-под подушки сбереженья,
там немного, но на похороны хватит.

Поезжай на вороной своей кобыле
в дом гетер под городскую нашу стену.

Дай им цену, за которую любили,
чтоб за ту же и оплакивали цену.

Зелень лавра, доходящая до дрожи.
Дверь распахнутая, пыльное оконце.
Стул покинутый, оставленное ложе.
Ткань, впитавшая полуденное солнце.

Понт шумит за черной изгородью пиний.
Чье-то судно с ветром борется у мыса.
На разошедшей скамейке – Старший Плиний.
Дрозд щебечет в шевелюре кипариса.

Евтушенко Евгений Александрович

ПРОЦЕССИЯ С МАДОННОЙ
Людовико Коррао

В городишке тихом Таормина
стройно шла процессия с мадонной.
Дым от свеч всходил и таял мирно,
невесомый, словно тайна мига.

Впереди шли девочки – все в белом,
и держали свечи крепко-крепко.
Шли они с восторгом оробелым,
полные собой и миром целым.

И глядели девочки на свечи,
и в неверном пламени дрожащем
видели загадочные встречи,
слышали заманчивые речи.

Девочкам надеяться пристало.
Время обмануться не настало,
но как будто их судьба, за ними
позади шли женщины устало.

Позади шли женщины – все в черном,
и держали свечи тоже крепко.
Шли тяжелым шагом удрученным,
полные обманом уличенным.

И глядели женщины на свечи
и в неверном пламени дрожащем
видели детей худые плечи,
слышали мужей тупые речи.

Шли все вместе, улицы минуя,

матерью мадонну именуя,
и несли мадонну на носилках,
будто бы стоячую больную.

И мадонна, видимо, болела
равно и за девочек и женщин,
но мадонна, видимо, велела,
чтобы был такой порядок вечен.

Я смотрел, идя с мадонной рядом,
ни светло, ни горестно на свечи,
а каким-то двуединым взглядом,
полным и надеждою, и ядом.

Так вот и живу – необрученным
и уже навеки обреченным
где-то между девочками в белом
и седыми женщинами в черном.

Мережковский Дмитрий Сергеевич

ПОМПЕЯ

Над городом века неслышно протекли,
И царства рушились, но пеплом сохраненный,
Доныне он лежит, как труп непогребенный,
Среди безрадостной и выжженной земли.
Кругом – последнего мгновенья ужас вечный, —
В низверженных богах с улыбкой их беспечной,
В остатках от одежд, от хлеба и плодов,
В безмолвных комнатах и опустелых лавках
И даже в ларчике с флаконом для духов,
В коробочке румян, в запястьях и булавках,
Как будто бы вчера прорыт глубокий след
Тяжелым колесом повозок нагруженных,
Как будто мрамор бань был только что согрет
Прикосновеньем тел, елеем умощенных.
Воздушнее мечты – картины на стене:
Тритон на водяном чешуйчатом коне,
И в ризах веющих божественные Музы.
Здесь все кругом полно могильной красоты,
Не мертвой, не живой, но вечной, как Медузы
Окаменелые от ужаса черты...

А в голубых волнах белеют паруса,
И дым Везувия, красою безмятежной
Блистая на заре, восходит в небеса,
Подобно облаку, и розовый, и нежный...

Мандельштам Осип Эмилевич

Пусть имена цветущих городов
Ласкают слух значительностью бренной.
Не город Рим живет среди веков,
А место человека во вселенной.
Им овладеть пытаются цари,
Священники оправдывают войны,
И без него презрения достойны,
Как жалкий сор, дома и алтари.

Блок Александр Александрович

РАВЕННА

Всё, что минутно, всё, что бренно,
Похоронила ты в веках.
Ты, как младенец, спишь, Равенна,
У сонной вечности в руках.
Рабы сквозь римские ворота
Уже не ввозят мозаик.
И догорает позолота
В стенах прохладных базилик.
От медленных лобзаний влаги
Нежнее грубый свод гробниц,
Где зеленеют саркофаги
Святых монахов и цариц.
Безмолвны гробовые залы,
Тенист и хладен их порог,
Чтоб черный взор блаженной Галлы,
Проснувшись, камня не прожег.
Военной брани и обиды
Забыт и стерт кровавый след,
Чтобы воскресший глас Плакиды
Не пел страстей протекших лет.
Далёко отступило море,
И розы оцепили вал,
Чтоб спящий в гробе Теодорих
О буре жизни не мечтал.
А виноградные пустыни,
Дома и люди – всё гроба.
Лишь медь торжественной латыни
Поет на плитах, как труба.
Лишь в пристальном и тихом взоре
Равеннских девушек, порой,
Печаль о невозвратном море
Проходит робкой чередой.
Лишь по ночам, склонясь к долинам,
Ведя векам грядущим счет,
Тень Данта с профилем орлиным
О Новой Жизни мне поет.

Мандельштам Осип Эмильевич

РИМ

Где лягушки фонтанов, расквакавшись
И разбрызгавшись, больше не спят
И, однажды проснувшись, расплакавшись,
Во всю мочь своих глоток и раковин
Город, любящий сильным поддакивать,
Земноводной водою кропят, —
Древность легкая, летняя, наглая,
С жадным взглядом и плоской ступней,
Словно мост ненарушенный Ангела
В плоскоступье над желтой водой, —
Голубой, онелепленный, пепельный,
В барабанном наросте домов,
Город, ласточкой купола лепленный
Из проулков и из сквозняков, —
Превратили в убийства питомник
Вы, коричневой крови наемники,
Итальянские чернорубашечники,
Мертвых цезарей злые щенки...
Все твои, Микель Анджело, сироты,
Облеченные в камень и стыд, —
Ночь, сырая от слез, и невинный
Молодой, легконогий Давид,
И постель, на которой несдвинутый
Моисей водопадом лежит, —
Мощь свободная и мера львиная
В усыплении и в рабстве молчит.
И морщинистых лестниц уступки —
В площадь льющихся лестничных рек, —
Чтоб звучали шаги, как поступки,
Поднял медленный Рим-человек,
А не для искалеченных нег,
Как морские ленивые губки.
Ямы Форума заново вырыты
И открыты ворота для Ирода,
И над Римом диктатора-выродка
Подбородок тяжелый висит.

Вознесенский Андрей Андреевич

РИМСКИЕ ПРАЗДНИКИ

*В Риме есть обычай
в Новый год выбрасывать
на улицу старые вещи.*

Рим гремит, как аварийный
отцепившийся вагон.
А над Римом, а над Римом
Новый год, Новый год!
Бомбой ахают бутылки
из окон,
из окон,
ну, а этот забулдыга
ванну выпер на балкон.
А над площадью Испании,
как летающий тарел,
вылетает муж из спальни —
устарел, устарел!
В ресторане ловят голого.
Он гласит: «Долой невежд!
Не желаю прошлогоднего.
Я хочу иных одежд».

Жизнь меняет оперенье,
и летят, как лист в леса,
телеграммы,
объявления,
милых женщин адреса.
Милый город, мы потонем
в превращениях твоих,
шкурой сброшенной питона
светят древние бетоны.
Сколько раз ты сбросил их?
Но опять тесны спидометры
твоим аховым питомцам.
Что еще ты натворишь?!
Человечество хохочет,
расставаясь со старьем.
Что-то в нас смениться хочет?
Мы, как Время, настаем.
Мы стоим, забыв делишки,
будущим поглощены.
Что в нас плачет, отделившись?
Оленихи, отелившись,
так добры и смущены.
Может, будет год нелегким?
Будет в нем погод нелетных?
Не грусти — не пропадем.
Образуется потом.
Мы летим, как с веток яблоки.
Опротивела грызня.
Но я затем живу хотя бы,
чтоб средь ветреного дня,

детектив глотнувши залпом,
в зимнем доме косолапом
кто-то скажет, что озябла
без меня,
без меня...
И летит мирами где-то
в мрак бесстрастный, как крупье,
наша белая планета,
как цыпленок в скорлупе.
Вот она скорлупку чокнет.
Кем-то станет – свистуном?
Или черной, как грачонок,
сбитый атомным огнем?
Мне бы только этим милым
не случилось непогод...
А над Римом, а над миром —
Новый год, Новый год...
...Мандарины, шуры-муры,
и сквозь юбки до утра
лампами
сквозь абажуры
светят женские тела.

Вяземский Пётр Андреевич

РИМ

Рим! всемогущее, таинственное слово!
И вековечно ты, и навсегда ты ново!
Уже во тьме времен, почивших мертвым сном,
Звучало славой ты на языке земном.
Народы от тебя, волнуясь, трепетали,
Тобой исписаны всемирные скрижали;
И человечества след каждый, каждый шаг
Стезей трудов, и жертв, и опытов, и благ,
И доблесть каждую, и каждое стремление,
Мысль светлую облечь в высокое служенье,
Все, что есть жизнь ума, все, что души есть
страсть —
Искусство, мужество, победа, слава, власть, —
Все выражало ты живым своим глаголом,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.